

Арифмоман. В небесах

Автор:

Александр Рудазов

Арифмоман. В небесах

Александр Валентинович Рудазов

Арифмоман #2

День Костяного Тигра 1514 года по календарю Парифата. По земному... вероятно, 9 декабря 2016 года. Не уверен точно. Нахожусь в небе другой планеты... возможно, параллельного мира. Этот вопрос еще не прояснен окончательно.

12 августа сего года я, Исидор Яковлевич Эйхгорн, 1973 года рождения, совершил открытие, обнаружив туннель в пространстве. То явление, что в быту именуют «червоточиной» или «кротовиной». Сочтя своим долгом исследовать находку более близко, я последовал внутрь и обнаружил на другой стороне совершенно новый мир. В чем-то похожий и даже идентичный нашему, а в чем-то – абсолютно другой.

Среди самых серьезных отличий стоит назвать необычные, порой даже аномальные образчики флоры и фауны, а также уникальные вещества. А кроме того – явление, которое туземцы именуют «магией». Во многом это действительно похоже на волшебство из сказок, однако я уверен, что со временем смогу найти рациональное объяснение.

Александр Рудазов

Арифмоман. В небесах

Внимание! Данное произведение содержит сцены курения. Помните, что курение опасно для вашего здоровья.

Глава 31

Какой же великолепный вид открывается с высоты птичьего полета! Эйхгорн не раз прыгал с парашютом, летал на вертолете и параплане, но все равно не уставал восхищаться этой панорамой. Под тобой словно простирается огромная карта – и такая точная и красочная, каких ни за что не начертить человеку.

Деревни, леса, поля, реки... Весь Парибул как на ладони. Все то, что Эйхгорн до этого исколесил, пересчитал и занес в реестр, теперь лежало по обе стороны крыльев. Позади остался городок Альбруин – и Эйхгорн понятия не имел, увидит ли его еще когда-нибудь.

Как жаль, что он в этом небе далеко не первый. Было бы приятно чувствовать себя пионером авиации. Увы, ковролетчики опередили Эйхгорна давным-давно... а возможно, и не только они. Наверняка у волшебников тоже есть какие-то летательные средства.

Здесь, в небе, окончательно подтвердилось, что это другая планета. Во-первых, горизонт действительно намного дальше – тут уже не спишешь на обман зрения и преломление солнечных лучей. Во-вторых, температура понижается гораздо медленнее. Эйхгорн поднялся уже по крайней мере на километр, но холоднее почти не стало. Разница от силы в пару градусов – а должно быть шесть-семь.

Видимо, тропосфера здесь в разы толще, чем на Земле. Жаль, нет барометра, чтобы это проверить. По личным ощущениям атмосферное давление если и отличается, то незначительно.

Движок пока что работал стабильно. Правда, спустя час полета у него обнаружился недостаток – жаркамень сильно нагревал металл. В маленьком, почти игрушечном самолетике это ощущалось очень хорошо, и Эйхгорн порадовался, что сделал сиденье и приборы деревянными, а кабину – открытой. В ней ощутимо пахло касторкой – похоже, масло тоже перегревалось.

Если не считать компаса, астролябии и бумажной карты, у Эйхгорна не было никаких средств навигации. Скорость и высота определялись на глазок. Однако по приблизительным оценкам «Переперделка» развивала шестьдесят-семьдесят километров в час. Парибульскую границу она пересекла уже через полчаса, до Ибудуна должна была добраться к вечеру.

Пока что внизу продолжались Маленькие Королевства. Судя по карте, Эйхгорну предстояло пролететь над Лимоей, Бередилом и Епаром – а уже за ним начинался великий халифат Нбойлех.

Великий халифат. В бесчисленный уже раз Эйхгорн задумался об этой лингвистической аномалии. Совершенно ясно, что в этом мире нет и не может быть халифатов, равно как и халифов – ведь здесь же не было Магомета, так что нет и ислама. Очевидно, что государственная система Нбойлеха называется как-то иначе – но Эйхгорн упорно слышит и читает «халифат».

Если вдуматься, с королевствами и королями то же самое. Слово «король» произошло от имени собственного – Карл Великий. Английское «king» и немецкое «könig» – от скандинавских конунгов. На другой планете правители и государства должны называться иначе. Но мозг Эйхгорна воспринимает именно «короля», даже не слыша, как это произносится на местном языке.

Этому обязано быть какое-то объяснение.

Но сейчас Эйхгорну было не до этого. Он не просто летел на север – он также и заново измерял эту планету. Еще в Альбруине он измерил полуденную высоту местного солнца – и теперь, когда снова приближался полдень, делал это повторно.

Конечно, узнать таким образом хоть сколько-нибудь точные числа невозможно, но это Эйхгорну сейчас и не требовалось. Он просто хотел выяснить их порядок. Удостовериться, что диаметр этой планеты действительно вчетверо больше земного. Что он не слишком сильно ошибся, когда измерял его по формуле дальности горизонта.

И он в этом удостоверился. Если перевести местное время в земное, Эйхгорн стартовал в 07:54 – соответственно, полдень наступил через четыре часа и

шесть минут. Даже если принять скорость «Переперделки» за самую минимальную, он пролетел не менее двухсот километров и двигался точно на север. На Земле высота солнца сместилась бы как минимум на два градуса – здесь же нет и половины.

Значит, в отношении радиуса этой планеты Эйхгорн не ошибся. Ее объем и в самом деле примерно равен объему Нептуна. А поскольку сила тяжести почти не отличается, ее масса больше земной всего в шестнадцать раз. Но как это можно объяснить?

Объяснение первое – Эйхгорн все равно где-то серьезно напортачил в измерениях или вычислениях. Однако это вряд ли. Конечно, все полученные им данные довольно приблизительны, но допустить грубую ошибку он точно не мог.

Объяснение второе – здешние физические законы отличаются от земных, поэтому привычные формулы не работают. Однако это вряд ли. Пока что Эйхгорн не заметил никаких принципиальных отличий – все вокруг работает так же или почти так же, как на Земле. Применив бритву Оккама, можно отвергнуть это объяснение, как не имеющее предпосылок.

Наконец, объяснение третье – эта планета действительно очень «легковесна». Возможно, она состоит из очень легких пород. Или в ее недрах имеются значительные пустоты. Когда-то учеными выдвигалась гипотеза «поллой Земли»... не окажется ли эта гипотеза справедливой для Парифата?

Вот только как это проверить?

Пейзаж внизу понемногу менялся. Бесконечная зелень лесов и лугов превратилась в пожухлую желтизну, усеянную синими крапинками. Видимо, сейчас как раз цвели какие-то местные растения.

Всхолмленная равнина тянулась около четверти часа, а потом окончательно исчезли все цвета, кроме желтого. Начались барханные пески – куда ни посмотри, были только они.

Эйхгорн сверился с картой, сверился с компасом, глотнул кофе из термоса и повернул самолет левее. Его цель, город Ибудун, располагалась на берегу Бархатного моря, в юго-западной части страны. Там лежат цветущие земли с

очень мягким климатом, но только вдоль береговой полосы. Всего полусотней километров восточнее начинается бескрайняя пустыня – над ней Эйхгорн сейчас и летит.

Из всех парибульских знакомых Эйхгорна в этих краях бывал только коннетабль – с миротворческой миссией. Двадцать лет назад здесь орудовала на редкость крупная разбойничья шайка... даже не шайка, а целое войско – более двух тысяч человек. Эти бедуины, или кем они там были, постоянно делали набеги на Маленькие Королевства, грабили и сжигали целые деревни, а то и города, после чего растворялись на просторах Нбойлеха.

Сам Нбойлех с этой проблемой разбираться не спешил. То ли разбойники засылали халифу бакшиш, то ли вообще действовали по прямой его указке – власти никак не реагировали на происходящее. И когда стало совсем уж невмоготу, одиннадцать Маленьких Королевств, в том числе и Парибул, отправили в пустыню объединенную армию из пяти тысяч бойцов. Возглавлял ее принц Хоммер, а нынешний коннетабль состоял при нем в ординарцах.

Историю эту он рассказывал часто и с удовольствием. По его словам, они почти четыре луны провели в пустыне, питаясь чем попало. Пережили две страшных песчаных бури, убили гигантскую многоножку, а в конце концов расправились с проклятыми бедуинами. Голову их главаря потом насадили на пику и перевозили из королевства в королевство, пока та совсем не сгнила.

Если же не считать бедуинов, эти места никогда не были густо населены. Большая часть нбойлехцев проживает на морских берегах – их государство расположено на огромном полуострове. Кое-где пустыню пересекают караванные тропы, но их всего ничего. Обычно грузы и людей перевозят водой – это проще и быстрее, чем тащиться по бесплодным дюнам.

Само собой, в пустыне Эйхгорн приземляться не собирался. Да и вообще не был уверен, что сумеет приземлиться так же успешно, как взлетел. Он ведь не профессиональный пилот. Да, он посещал летные курсы и имеет любительскую лицензию, но его суммарный налет отличается прискорбной краткостью, а посадка всегда была слабым местом.

И это на земных машинах, с современным оборудованием и великолепной системой навигации.

Но именно на такой случай Эйхгорн и сделал себе парашют. На его счету уже одиннадцать прыжков, и он был полностью уверен, что сумеет совершить двенадцатый.

Однако этого все же хотелось бы избежать. Эйхгорн не для того вложил столько времени, сил и средств в свою «Переперделку», чтобы убить ее в первом же полете. Он рассчитывал еще не раз подняться на ней в воздух.

По мере того, как солнце клонилось к закату, погода все больше портилась. Ясное небо сменилось пасмурным, а потом вовсе покрылось тучами. Нечасто увидишь в пустыне подобное.

За воем пропеллера и хлопками двигателя Эйхгорн не сразу расслышал другие звуки. Громовые раскаты. Обернувшись, он неприязненно посмотрел на восток – там уже стояла водяная стена и сверкали молнии. Судя по ландшафту под крылом, дождь в этой местности гостил редко – но вот надо же было ему зарядить именно сегодня!

Очередная молния. Раз... два... три... четыре... гром! Пауза чуть длиннее четырех секунд – значит, до грозы около полутора километров. Возможно, если повернуть на запад, Эйхгорн сумеет опередить непогоду. Если нет – придется садиться в пустыне. Полеты в грозу на толком не испытанном прототипе – не самое мудрое поведение.

Увы, ветер тоже крепчал. Если до этого «Переперделка» скользила по воздуху, как бывалый конькобежец, то теперь ее стало потряхивать. Эйхгорн снял колпак волшебника и натянул панаму, закрепив ее под подбородком.

Жаль, нет летных очков. Эйхгорн подумывал заказать такие стеклодуву, но их было бы слишком неудобно надевать поверх обычных. Дома у Эйхгорна были и защитные очки с диоптриями, и даже подводная маска... но дом остался на Земле.

Уже через двадцать минут стало очевидно, что уйти от грозы не получится. Ветер из крепкого стал очень крепким, «Переперделку» колыхало, как парусник в шторм. В двигателе появились какие-то новые шумы.

Эйхгорн попытался сделать аудиозаметку, чтобы описать происходящее, но не услышал собственного голоса. Гром гремел уже совсем близко. Промежутки между раскатами и вспышками сократились до двух секунд – гроза стремительно нагоняла крохотный самолетик.

И через несколько минут она его нагнала. До вечера было еще далеко, но вокруг воцарилась тьма египетская. Тучи полностью заволокли небо, и лишь вспышки молний освещали дорогу. Вот очередная шарахнула так близко, что Эйхгорна едва не ослепило. Он проверил лямки парашюта на спине и вытащил из грузоотсека мешки с припасами.

Эйхгорн однажды встречался с человеком, который утверждал, что в него трижды попадала молния. Врал, скорее всего. По статистике, шанс на протяжении человеческой жизни оказаться жертвой молнии – один из трех тысяч. Нетрудно подсчитать, что шанс того, что с тобой это произойдет трижды – один из двадцати семи миллиардов. На Земле просто нет столько людей.

С другой стороны, шансы повышаются, если жить или работать там, где часты грозы. Был же на свете такой человек, как Рой Салливан, который явно чем-то прогневил Зевса – ибо молния в него попадала аж семь раз. Даже не поймешь, считать ли его из-за этого неудачником или же все-таки везучим – ведь все семь раз он выжил.

Но Эйхгорн испытывать судьбу не собирался. В пустыне практически нет возвышенностей. Вероятность того, что одна из молний изберет целью его самолет, не равна ста процентам, но неуютно к этому близко. Будет жалко расставаться с собранной своими руками машиной, но жизнь дороже.

Внизу не видно ни зги. Вокруг хлещет дождь. Подхваченный ветром самолет несется вперед по воле стихии. В кабине уже плещется вода – ногам холодно и мокро. Остальным частям тела тоже. У Эйхгорна имелась теплая куртка с капюшоном, но достать ее сейчас из рюкзака и переодеться нет никакой возможности.

Да и не до этого сейчас. Гораздо важнее – что там с силовой установкой? Жаркамню-то влажность не помеха – проверено экспериментальным путем. Воду он кипятит гораздо лучше обычных раскаленных камней – паровая машина

вышла бы на загляденье.

Но вот остальные части термодвигателя... в них Эйхгорн был не так уверен. Он собирался лететь в безоблачный день, над пустыней, в которой дождь выпадает хорошо если раз в полгода. Пока что движок работает нормально, но хлопает и кашляет заметно иначе – и эти новые звуки Эйхгорну совсем не по душе.

Хотя их все равно почти не слышно из-за грозы.

Эйхгорн заложил вираж, тщетно пытаюсь разглядеть землю сквозь покрытые каплями очки. Конечно, там должна быть все та же пустыня, но всегда есть шанс, что именно сейчас Эйхгорн пролетает над каким-нибудь провалом, воронкой или вообще зыбучими песками.

До этого Эйхгорн даже не пытался проделывать на «Переперделка» хоть какие-то фигуры пилотажа. И та, как выяснилось, относится к ним очень неодобрительно. Неопытного летчика вдавило в сиденье, а мир вокруг словно накренился – хотя на самом деле, конечно, накренился самолет.

Зато при очередной вспышке молнии Эйхгорн увидел землю. Ровная песчаная гладь, похожая на пляж во время дождя. А впереди несколько пятнышек... шатер?.. лошади?.. Разбитые очки давали не самый лучший обзор.

Но главное – никаких препятствий. Возможно, у Эйхгорна еще есть шанс приземлиться, сохранив самолет...

Вспышка!

Эйхгорна аж подбросило на сиденье. На сей раз молния попала в самолет – по счастью, хвостовую его часть. Кроме того, она не разрядилась тут же, а прошла насквозь, закончив путь где-то среди барханов.

Современной земной машине это не причинило бы вреда – они и так регулярно ловят молнии, – но склепанная из чего попало «Переперделка» стала стремительно терять высоту. Пропеллер чахло заверещал, двигатель явно получил сильные повреждения. И хорошо еще, что в хвосте не было деревянных частей – иначе бы он уже пылал.

Удара током Эйхгорн избежал, кабина была вполне сносно изолирована. Но надежды благополучно приземлиться пришлось отбросить. Он проверил лямки парашюта, покрепче ухватил мешок с провизией и выпрыгнул за борт.

Су-Дух Амедзи лежал ниц. Два его коня тоже лежали. Неразумно поднимать голову, когда в небесах воют боги... или празднуют. Громовержец Космодан не так часто заглядывает в эти края, и раз уж заглянул – лучше не привлекать его внимание.

Страшны его белые молнии, безжалостны. В прошлом году двоюродного брата Су-Духа застала в дороге гроза, и этот дурак спрятался под деревом. Не знал, наверное, что Громовержцу не любы деревья, и в гневе он частенько разит их молниями.

Нет, надо лежать и не подниматься. Прижав лицо к мокрому песку, Су-Дух горячо молился всем богам. Молился, чтобы те не убивали Су-Духа, дали еще немного пожить. Он ведь так молод, он даже не успел еще жениться и обзавестись потомством.

Кстати, о женитьбе. Если эта гроза праздничная, если боги сейчас что-то отмечают, они должны быть добры и милостивы. Су-Дух еще немного помолился, чтобы его не убивали, а потом стал молиться, чтобы боги послали ему невесту.

– Пусть будет красивая, – бормотал он. – Красивая, как дочка старшего караванщика, только не такая злая. Боги, пусть моя невеста будет доброй! Пусть наливает мне вино каждый раз, когда попрошу! Пусть чешет мне пятки по вечерам и хорошо расчесывает коням гриву! Пусть паре звезд будут подобны ее очи, паре кораллов – губы, и паре дынь...

Кони вдруг заржали. Су-Дух прервал молитву и рискнул приподнять лицо. Его глаза округлились – с неба спускался человек.

Был он лыс, худ и небрит, облачен в мокрый балахон и держал два туго набитых мешка. Над ним простиралось нечто огромное и круглое...

– Боги, вы ошиблись! – воскликнул Су-Дух, возмущенно глядя в небо. – Я просил невесту! Не-вес-ту! Я что, невнятно говорил?!

Эйхгорн тем временем благополучно приземлился и принялся складывать парашют. Хотя немного подумав – вынул его совсем и оставил лежать на песке. Самолет потерян, нового у Эйхгорна в ближайшие месяцы точно не будет, так что незачем таскать лишнюю тяжесть. Лучше упаковать в рюкзак одежду и провизию.

Этим Эйхгорн и занялся. Пока он переключивал вещи, дождь начал стихать. Гроза пронеслась мимо, оставив залитый водой песок и несколько трубок фульгурита в местах попадания молний.

Из очков вывалилась правая линза. Лейкопластырь размок, и та перестала держаться в оправе. Эйхгорн окинул ее снулым взглядом, сунул в карман и взвалил на плечи рюкзак.

Только теперь он обратил внимание на туземца. Какой-то бедуин, похоже. На Эйхгорна тот смотрел с суеверным страхом – наверное, не каждый день тут с неба падают люди.

– Эй, дружище, в какой стороне Ибудун? – спросил Эйхгорн.

– Туда, туда, в ту сторону! – торопливо замахал рукой бедуин.

Эйхгорн кивнул и молча двинулся в указанном направлении.

Бедуин облегченно выдохнул.

Глава 32

Солнце клонилось к закату. Эйхгорн продолжал перебирать ногами. Его лица не покидало безразличное выражение.

Сухой и жилистый, как старая бастурма, Эйхгорн никогда не отличался физической силой. Зато он обладал выносливостью верблюда и точно так же мог часами размеренно шагать по пустыне.

Теперь он воочию убедился, как много значат для Парибула холодные ветра с юго-востока. Всего пятьсот километров к северу – а как разительно переменился климат! Вместо лиственных лесов – раскаленные пески, вместо приятного тепла – духота и жарища. Словно перенесся с Кипра в Аравию.

Пустыни всегда раздражали Эйхгорна. В них слишком много песка. А песок состоит из отдельных песчинок. Очень-очень много отдельных песчинок, которые Эйхгорну подсознательно хотелось пересчитать. Он прекрасно понимал, что это не в человеческих силах (хотя Архимед предпринял неплохую попытку), но ему все равно хотелось.

Левая половина мира представляла перед Эйхгорном четкой и ясной. Правая расплывалась в мутном тумане. Временами он подносил к глазу вывалившуюся линзу, убеждался, что пейзаж меняется не слишком сильно, и продолжал отмерять шаги.

Его мучил зной. Ноги утопали в раскаленном песке, воздух был прогрет градусов до сорока, а голову нещадно пекло солнце. Пока Эйхгорн спускался на парашюте, панаму унесло порывом ветра, так что он надел кепку, а под нее еще и колпак волшебника. Хотелось раздеться полностью, но Эйхгорн прекрасно знал, насколько это страшная ошибка.

Через каждые четверть часа Эйхгорн делал глоток воды. Та сильно нагрелась, но жажду утоляла. Сухой воздух нещадно скреб горло, но судя по размеренному пульсу, обезвоживание Эйхгорну пока не грозило.

После заката Эйхгорн продолжал идти. Сделал небольшой привал, чтобы поесть, а потом снова двинулся вперед. Он решил потерпеть со сном до утра – ночью идти по пустыне куда комфортнее. Можно не опасаться солнечного удара, вода расходуется медленнее...

По мере того, как на небе высыпали звезды, становилось все прохладнее. Сорокаградусная жара сменилась комнатной температурой, а потом упала еще ниже. Эйхгорн даже надел куртку.

Ветер тоже стих. Еще бы куда-нибудь убрать песок – и было бы совсем замечательно.

Но он никуда исчезать не собирался. Пролившийся днем дождь давно поглотили барханы, и ноги увязали по самые щиколотки.

Периодически Эйхгорн сверялся с компасом. Ориентироваться в пустыне даже труднее, чем в лесу. Дюны обманчивы, они изгибаются так причудливо, что можно часами незаметно для себя бродить по кругу.

Когда стало светать, Эйхгорн поужинал сушеным мясом с картошкой, допил кофе и принялся устраиваться на ночлег. За неимением в пределах видимости скал или хотя бы крупных камней, способных укрыть от солнца, он сделал импровизированный навес из запасной одежды. В качестве стойки использовал рулетку – та могла намертво фиксироваться в любом положении, превращаясь в достаточно прочную стальную полосу.

Сейчас бы очень пригодился брошенный парашют, но... теперь уже поздно.

Проснулся Эйхгорн во втором полуденном часу. Зевнул, почесался и без аппетита сжевал кусок суджука, запив его теплой водой. Рюкзак потихоньку легчал.

Лежа в тени собственного балахона, Эйхгорн выждал еще пару часов. Когда солнце слегка опустилось, и самый лютый зной спал, он упаковал пожитки и вновь зашагал на запад.

Сегодня дождем и не пахло. От горизонта до горизонта ни облачка. Ветра тоже нет – жарко, душно.

Заблудиться Эйхгорн не боялся. Нбойлех – полуостров, вытянутый к северу. Если все время идти на запад, рано или поздно выйдешь к берегу моря – а там люди, города, цивилизация. Оттуда уже будет нетрудно найти путь в Ибудун.

Вот только неизвестно, как долго еще идти. Эйхгорн не имел представления, где именно его застала гроза – предполагал лишь, что где-то в центральной области. На карте не было ни масштаба, ни координатной сетки, но если

сравнивать с размерами того же Парибула, ширина южной части пустыни – около четырехсот километров. Возможно, и все пятьсот – средневековые картографы редко славятся точностью.

Как бы там ни было, путь впереди еще неблизкий.

Шагать по барханам было непросто, скорость Эйхгорн развивал невысокую. Постоянно случалось то подниматься, то спускаться, причем на спуске приходилось даже тяжелее – песок то и дело норовил осыпаться.

И воду нужно беречь. Провизию можно не экономить – ее Эйхгорн прихватил с запасом, – а вот с водой гораздо хуже. Он ведь рассчитывал добраться до Ибудуна за один день – кто же мог знать, что вмешается форс-мажор с громом и молниями?

Нормальное суточное потребление воды для взрослого человека – полтора литра. Но это при комнатной температуре. В жару возрастает потоотделение, и потребление воды повышается до двух литров, а в сильную жару – до трех. Часть жидкости, конечно, можно получать с пищей, но вся провизия Эйхгорна высушена до полного обезвоживания.

Примерно половину своего запаса Эйхгорн уже потребил. Кофе тоже закончился. Осталось два с половиной литра воды и все еще не раскупоренный сидр. Напиток это слабоалкогольный, крепость даже ниже, чем у пива, так что можно его тоже принять за воду.

Но даже так – запасов хватит в лучшем случае еще на два дня. Если сократить порции – на три. Потом Эйхгорн начнет страдать от жажды.

Правда, у него имелся дополнительный козырь. Агатовый амулет, найденный в башне волшебника. Эйхгорн неоднократно экспериментировал с ним, и убедился, что он способен давать... ощущение воды. Все еще неизвестно, насколько эта вода реальна, утоляет ли она жажду или просто обманывает чувства, но Эйхгорн от души надеялся, что первое.

Должно же это пресловутое волшебство приносить пользу?

Спустя сутки у Эйхгорна остался только литр воды и сидр. Он старался экономить, но стало еще жарче, потоотделение возросло, организм быстро расходовал жидкость, а как следствие – слабел. Эйхгорн не мог позволить себе ослабеть, поскольку вместе с этим снижалась и скорость передвижения. Лучше продолжать двигаться быстро, насколько это возможно.

Еще день спустя вода закончилась полностью, и Эйхгорн откупорил сидр. Тот очень сильно нагрелся, но на вкус оказался неплох.

Хотя градусов в нем было даже меньше, чем Эйхгорн думал – всего два, от силы два с половиной.

За трое суток в пустыне Эйхгорн не встретил никаких признаков цивилизации. Временами под песком что-то шуршало – тушканчики, агамы, сколопендры? В небе иногда появлялись птицы, неприятно похожие на стервятников, но Эйхгорн пока что не вызывал у них интереса. Вдали несколько раз виднелись какие-то четвероногие – из-за сломанных очков Эйхгорн не мог толком их рассмотреть.

Но ни единого человека. Только тот бедуин, рядом с которым Эйхгорн приземлился. Наверное, где-то рядом с тем местом был их лагерь, оазис или хотя бы караванная тропа – но в тот момент Эйхгорна это не волновало. Ему казалось, что раз уж он, выпрыгнув в совершенно случайной точке, свалился едва не на голову какому-то типу, значит, здесь уже более-менее оживленные места.

Кто же мог знать, что теория вероятности так зло над ним подшутила?

Признаки цивилизации Эйхгорн увидел на четвертый день. Правда, не людей, а всего лишь строение – и явно давно заброшенное.

Пирамида. То была самая настоящая пирамида, очень похожая на египетскую. Стояла себе посреди дюн, частично занесенная песком, но спокойная и невозмутимая. Ей не было дела до двуногой букашки, что ползла мимо, посасывая кусочек агата.

Увидь Эйхгорн такое раньше – решил бы, что попал в Древний Египет. Но теперь он совершенно точно знает, что находится не на Земле, а значит... значит, парифатцы тоже строят пирамиды. Или строили раньше. Собственно, ничего

особо удивительного – не так уж много существует простых геометрических фигур.

Интересно только, для чего эта пирамида предназначена. Тоже для захоронения каких-нибудь фараонов? Или все-таки для чего-то еще?

Пожалуй, в другое время Эйхгорн непременно задержался бы здесь на денек, изучил интересную находку детально, попытался проникнуть внутрь. Но сейчас он изнывал от жары, у него кончилась вода, и он спешил добраться до людей. Невооруженным глазом видно, что в этой пирамиде никто не живет.

Еще день спустя агатовый талисман почти перестал помогать. Эйхгорн все сильнее уверялся, что тот не утоляет жажду по-настоящему, а лишь приглушает ее. И то сказать – откуда в крохотном камушке взяться настоящей воде? Просто иллюзия, обман чувств.

К вечеру Эйхгорн начал отмечать у себя признаки обезвоживания. Все сильнее хотелось пить, моча потемнела, двигаться становилось все труднее.

Но Эйхгорн продолжал терпеливо перебирать ногами. Он снуло смотрел на далекий горизонт, на дрожащий над ним воздух и немелодично напевал себе под нос:

– Коварная пустыня напрасно ждет поживы, кто трус – тот не мужчина, вперед, пока мы живы...

Следующий день встретил Эйхгорна песчаной бурей. Как обычно, он лег спать под утро, проснулся в обед – и увидел впереди плотную серо-желтую стену. Ветер с каждой минутой усиливался, неся с собой настоящий шквал мелкого песка.

Эйхгорн закутал поплотнее лицо, накрылся всей одеждой, что у него была, и лег ничком на наветренной стороне дюны. В таком положении он находился около двух часов – медленно дыша и стараясь не шевелиться.

Когда буря наконец стихла, Эйхгорн выпрямился и не узнал пейзаж. Рисунок барханов полностью переменялся. Одни ветер полностью разгладил, другие,

напротив, насыпал. Прямо перед Эйхгорном вырос на редкость громадный – семьдесят, а то и восемьдесят метров в высоту.

Несколько мучительных минут Эйхгорн переводил взгляд, решая, обходить ли бархан слева или справа. Он стоял точно посередине. Оба варианта отнимут равное количество времени и усилий.

Выбирать из двух одинаковых вариантов – невыносимая пытка.

В конце концов Эйхгорн стиснул челюсти, поправил рюкзак и полез напрямую.

– Бомбар терпел и нам велел... – зло бормотал он, увязая в рыхлом песке.

Добравшись до вершины, Эйхгорн обвел все вокруг пристальным взглядом. Он отчаянно нуждался в воде. Искал любые признаки родника – пятна растительности или роящихся мошек. Возможно, какие-нибудь знаки, указатели. Следы животных могли бы о многом рассказать.

Впрочем, высматривать все это следовало до начала бури. Теперь если что и было – занесено песком.

Упорно шагая дальше, Эйхгорн размышлял, не смастерить ли ему солнечный конденсатор. У него было немного целлофана, и он мог сделать емкость, отрезав верхушку у пластиковой бутылки. Если положить ее в ямку и накрыть пленкой, влага под лучами солнца будет испаряться из песка, конденсироваться на пленке и стекать в емкость. Таким образом можно добыть воду даже в самой сухой пустыне.

Только вот процесс это очень долгий. За сутки один солнечный конденсатор производит полтора литра воды, не больше. Можно повесить производительность, сделав два или три таких, но Эйхгорну не из чего их делать. Основная проблема в целлофане – его очень мало. Конечно, годится любая прозрачная, не пропускающая воду пленка... но кроме целлофана ничего подходящего нет.

Поразмыслив, Эйхгорн решил сделать один солнечный конденсатор перед тем, как лечь спать. Жалкие пол-литра воды его не спасут, но хотя бы дадут лишнее

время. Каждый дополнительный час может оказаться тем самым часом, который приведет к колодцу, каравану, оазису или вообще краю пустыни.

Но видимо, сегодня Кто-То-Там решил проявить снисходительность. До солнечного конденсатора дело не дошло. Солнце еще не успело зайти, когда Эйхгорн заметил к северо-западу зеленое пятнышко.

Сначала он решил, что это мираж. Но все равно пошел прямо к нему – направление изменилось не критично, зато шанс на спасение возрос значительно. И спустя еще два часа подъемов и спусков по барханам стало очевидно, что миражом тут и не пахнет.

Впереди в самом деле оазис.

До кромки зелени оставалось больше километра, но воздух уже заметно посвежел. К тому же на землю опустилась ночь, принесла с собой прохладу, и Эйхгорн ускорил шаг.

Оазис. Остров жизни в море песка. Довольно-таки крупный – полтора, а то и два километра в ширину. Определить длину пока что затруднительно, так что площадь остается неизвестной.

Но главное – там есть растительность. Значит, есть вода. А возможно, и пища.

Конечно, пищи у Эйхгорна пока что вдоволь, но он не отказался бы от свежих фруктов. Да и от чего угодно другого.

А главное – ему до смерти хотелось пить.

Озеро. Вот что привлекло внимание Эйхгорна, как только он ступил на траву. Впереди маячила лазурная гладь – и не было большей улады для глаз жаждущего.

Рухнув на колени, Эйхгорн сбросил рюкзак и первым делом плюнул в озеро. Слюна быстро растворилась – уже хорошо. В грязной воде она нередко застаивается.

Неприятных запахов тоже не ощущалось. Прозрачность не идеальная, но вполне допустимая. Конечно, Эйхгорн предпочел бы сделать лабораторный анализ или хотя бы вскипятить воду, но... а, какого черта! Он просто зачерпнул полный колпак термоса и принялся жадно пить. Теплая и не очень вкусная, сейчас эта жидкость была ему слаще любого нектара.

Напившись, Эйхгорн заполнил все емкости, уселся на корточки и принялся осматриваться. Озеро оказалось довольно большим – семьсот, а то и восемьсот метров в диаметре. Питается, по всей видимости, из подземного источника. Вероятно, когда-то он пробился на поверхность и создал водоем, а уже вокруг него сформировался оазис.

Некоторое время Эйхгорн еще просто лежал на берегу, раскинув руки. Он заслужил небольшой отдых.

Пятнадцать минут. Пятнадцать минут он позволил себе бездельничать под сенью струй. Потом Эйхгорн поднялся, схоронил рюкзак у приметного камня, и двинулся изучать этот уголок зелени, взяв с собой только термос. Возможно, здесь живут люди или опасные животные – и это надо выяснить.

Оказалось, что как минимум люди здесь действительно живут. Довольно скоро Эйхгорн наткнулся на небольшую делянку, засеянную ячменем. Колосья уже налились зернами – не сегодня завтра пора собирать урожай.

Неподалеку имелось и жилье – скромная хижина из четырех древесных стволов и переплетенных меж ними листьев. Листья, растущие на одном из местных деревьев, отличались небывалыми размерами – прямо зеленые опахала.

В хижине никого не было. Эйхгорн не стал заходить внутрь – просто постоял на пороге, разглядывая внутреннее убранство. Там лежала циновка, плетеная корзина, кое-какая посуда и инструменты. В дальнем конце стояло нечто вроде алтаря.

Судя по обстановке, здесь живет всего один человек. Пол чистый, пыли на вещах нет – ушел недавно. Возможно, находится где-то поблизости.

Кроме хижины и ячменной делянки в оазисе нашлись и другие деяния людских рук. На одном из берегов озера были деревянные мостки, в зарослях Эйхгорн

заметил расставленные силки, а в укромном месте неподалеку – нечто вроде погребка. Хранились там в основном плоды какого-то дерева.

А через некоторое время обнаружился и сам хозяин. Эйхгорн услышал приглушенный, уже совсем слабый крик – и идя на него, оказался перед глубокой ямой, вымощенной изнутри камнем. Похоже на пересохший колодец.

На дне ямы сидел человек. Усталый, одетый в рубаху и шаровары феллах. При виде Эйхгорна он испустил радостный вопль и быстро-быстро залопотал.

Сначала Эйхгорн решил, что слышит какой-то другой язык. Но нет, это оказался все тот же парифатский – именно на нем говорят в Парибуле, Кинелии и всех остальных Маленьких Королевствах. На нем же говорят и в Нбойлехе, а также в куче других стран. В этом мире парифатский куда более распространен, чем английский на Земле – сложно сыскать человека, который не мог бы на нем изъясниться.

Просто человек в яме, как совсем недавно Эйхгорн, страдал от жажды. У него так пересохло во рту, что речь стала неразборчивой.

Недолго думая, Эйхгорн кинул в яму термос. К чести сидящего там, он мгновенно догадался, что это такое и как его открыть – и уж до чего его это обрадовало!

Через несколько минут Эйхгорн знал всю историю. Оказалось, что этот феллах (звали его Ак-Джо Матсхариди) – нечто вроде пустычника. Отшельничает тут в оазисе, вдалеке от людей. До ближайшего поселения больше дня пути, караваны ходят редко, так что обычно ему никто не мешает.

Но вот позавчера в его оазис забрел ужасный Ах-Мес-Соо-Тка-Ди – настоящий бич этих мест. Зная, что добра от этого разбойника не жди, Ак-Джо бросился бежать, не разбирая пути... и провалился в сухой колодец.

– А зачем здесь вообще колодец? – осведомился Эйхгорн. – Озеро же рядом.

– Озеро всегда на своем месте, – согласился Ак-Джо. – Но что если оно пересохнет? Где брать воду?

- Так в колодце же все равно нет воды.

- Конечно, нет. Она же вся в озере.

Эйхгорн посмотрел на этого идиота снулым взглядом, но в дальнейший спор вступать не стал. Просто спросил, есть ли у отшельника лестница или хотя бы веревка.

- Нету, - развел руками тот. - Силки разве что.

- Видел я твои силки. Слишком короткие.

- А мне других и не нужно, - ответил Ак-Джо. - Я же мясо не ем. Всякий зверь тоже любит жизнь - кто я, чтобы ее отнимать?

Теперь Эйхгорн заподозрил, что перед ним сумасшедший. Не потому, что он вегетарианец и гринписовец, а потому, что при всем этом он таки расставляет силки.

Хотя, может, они нужны не для охоты? Может быть... Эйхгорн крепко задумался, пытаясь придумать силкам альтернативное применение.

- Друг, помоги же мне, прошу тебя! - напомнил о себе Ак-Джо.

Эйхгорн решил спросить о силках потом. Он трижды обошел вокруг колодца, ища способ вытащить из него человека.

Веревки нет. Плести ее долго. Лестницы тоже нет - и делать ее тоже долго. Нету и подходящих жердей или достаточно длинных веток. Дерево ножом не срубить, а топора или пилы у Эйхгорна нет...

В конце концов Эйхгорн прибег к старому проверенному способу. Колодец находился на самой границе оазиса, буквально в паре шагов от песчаной дюны. Эйхгорн сходил в хижину феллаха за корзиной, наполнил ее песком и молча опорожнил в колодец.

– Друг, что ты делаешь?! – испуганно возопил Ак-Джо. – Чем я обидел тебя, что ты закапываешь меня заживо?!

– Не тупи, – ровным голосом ответил Эйхгорн. – Просто утрамбовывай песок.

К чести феллаха, он быстро понял замысел. Корзину за корзиной Эйхгорн опорожнял в колодец, тот становился все мельче, и вот уже совсем скоро грязный и чихающий феллах вылез наружу.

И в этот момент Эйхгорн нашел альтернативное решение проблемы. Можно же сделать веревку, просто связав рукавами и штанинами предметы одежды! Того, что есть у Эйхгорна, вполне хватит... только теперь уже не нужно.

– Где мой термос? – недовольно спросил Эйхгорн.

– Терма... а, твой железный кувшин? Прости, друг, кажется, он остался там, внизу... – развел руками Ак-Джо.

Эйхгорн некоторое время смотрел в колодец. Лишаться термоса не хотелось. В отличие от всяких там айподов, это реально полезный предмет. Где он тут найдет другую емкость с такими свойствами?

Хотя можно изобрести что-то подобное самому. Использовать тот же жаркамень, например. Просто сделать кувшин с двойным дном, замуровать туда такой камешек... хотя нет, они же со временем тают. Причем самые маленькие – очень быстро. Значит, дно придется делать отвинчивающимся и жаркамни периодически менять...

Эйхгорн решил обдумать эту идею как-нибудь на досуге, а пока все-таки вернуть свой старый термос. В данный момент это проще, чем изобретать новый.

Более-менее отряхнувшись от песка, спасенный полез обнимать своего спасителя. Эйхгорн брезгливо отстранился и попросил лопату или мотыгу.

– Зачем?... а, откопать твой железный кувшин? – догадался Ак-Джо. – Не трудись, друг, я сам его тебе откопаю! Я твой навеки должник – в этой жизни и в двух следующих!

Эйхгорн бросил на феллаха снулый взгляд. Выходит, он не севирист – у тех другая система загробной жизни. Наверное, местный аналог буддиста. Причем расчетливый – должником себя соглашается считать только в трех жизнях, а не во всех, сколько их еще предвидится.

– Не знаю, кто ты и как здесь очутился, но мне ты спас жизнь, – продолжал Ак-Джо. – Теперь мой дом – твой дом, все мое – твое. Остайся в благодарность погостить хоть на несколько дней – а я за это время откопаю твой кувшин.

Эйхгорн на секунду задумался, потом кивнул. Отдохнуть денек-другой в цветущем оазисе будет и впрямь неплохо.

Глава 33

Сидя в яме, Ак-Джо изрядно проголодался. Но долг гостеприимства требовал вначале накормить гостя – и он не вкусил ни крошки, пока не приготовил трапезу для Эйхгорна.

Впрочем, поделиться нищей феллах мог немногим. Две ячменных лепешки, немного орехов и фиников, а также напиток черкши. Без сахара, очень горький и терпкий.

Вынеся угощение, Ак-Джо обнаружил своего гостя в озере. Эйхгорн решил воспользоваться моментом и искупаться – благо вода была теплой парного молока. Улегшись на спину и раскинув руки в стороны, землянин блаженно отмокал.

– Друг, осторожно! – беспокойно крикнул Ак-Джо. – В этом озере живут лягушки!

– Да наплевать... – проворчал Эйхгорн, жмурясь под горячим солнцем.

И тут совсем рядом что-то проплыло. Что-то большое. Эйхгорн почувствовал движение воды, и его ступню даже чем-то задело... чем-то жестким и шершавым.

Оставаться в озере стало как-то неуютно. До Эйхгорна вдруг дошло, что в этом мире лягушки могут быть несколько крупнее, чем на Земле. Он торопливо перевернулся на живот и погреб к берегу.

Очень вовремя. Едва он выбрался на сушу, как на поверхность всплыло нечто вроде мокрого бревна. Метра два в длину, бугристое, серо-зеленое, с парой холодных глаз-бугорков...

– Это же крокодил, а не лягушка! – возмущенно воскликнул Эйхгорн.

– Прости, друг, я не силен в зоологии... – пробормотал Ак-Джо.

Крокодил вылез на мелководье и улегся там, пристально рассматривая двуногих. Взгляд у него был какой-то... приглашающий. Пасть рептилия не раскрывала, но и без того было ясно, что у нее на уме.

Оазис перестал казаться таким уж райским местечком.

– Они на сушу не вылезают? – осведомился Эйхгорн, вытираясь полотенцем.

– Нет, никогда, – отмахнулся Ак-Джо. – Не беспокойся, друг. Лягуш... крокодилы всегда в озере. Ждут, когда кто-нибудь придет на водопой. Главное, смотри в оба, когда набираешь воду, и никто тебя не схватит.

Эйхгорн поправил очки. Вернуть на место вторую линзу он так и не смог, так что смотреть в оба пока не получалось.

– Что-нибудь еще хищное в твоём оазисе водится? – осведомился он.

– Да нет, друг, только ля... крокодилы. Но вообще зверья много. Джейраны часто забегают, зайцы есть, сурмутики...

Последнее слово прозвучало для Эйхгорна бессмысленно, но он не стал уточнять. Главное, что эти сурмутики не опасны для человека.

Весь следующий день Эйхгорн провел в безделье. Крокодилы действительно на берег не выходили, хотя на мелководье постоянно виднелись бугристые

силуэты. Особенно утром и вечером – днем, когда палило солнце, они уходили на глубину.

Особыми размерами эти ящеры не отличались. Полтора-два метра, не больше. Зверья в оазисе и вокруг него хватало, других источников воды в пределах досягаемости не было, а в озере водилась еще и рыба – так что крокодилы жили припеваючи.

Эйхгорн тоже немного половил рыбу на самодельную удочку. Леску из конского волоса и пару крючков он упаковал еще в Парибуле – благо весили они считанные граммы.

Однако клевало плохо. За полдня Эйхгорн поймал всего одну рыбешку, похожую на тощего карасика. Он испек его в золе и съел с картошкой.

Ак-Джо от души угощал Эйхгорна всем, что у него было, но было у него так мало, что Эйхгорн даже сам поделился с ним припасами. От суджука отшельник отказался наотрез, а вот сухарей и лука погрыз.

Сама собой прояснилась загадка силков. Оказалось, что Ак-Джо расставлял их вокруг ячменной делянки, чтобы отлавливать пустынных зайцев и других вредителей. Но поймав, он не ел их и даже не убивал... своими руками. Этот странный тип привязывал добычу на берегу озера... где ее, разумеется, поедали крокодилы.

Эйхгорн подивился такой потрясающей нелогичности и предложил занять в этой системе место крокодила. Ак-Джо охотно передал ему пойманного зайца и ушел, насвистывая.

Этим вечером Эйхгорн ужинал жареной зайчатинной.

Еще день спустя Ак-Джо принялся жать созревший ячмень. Делянку он возделывал совсем маленькую, от силы на четыре сотки, но урожай собирал трижды в год. Эйхгорн попытки помочь не сделал – да и не требовалась там помощь. С этой горстью колосьев феллах управился за пару часов, одним серпом.

Ячмень он сразу же обмолотил примитивным цепом, а потом принялся дробить на примитивной зернотерке. Эйхгорн, которому уже стало скучно, некоторое время считал зерна, а потом предложил Ак-Джо построить водяную мельницу.

Конечно, для этого придется частично запрудить озеро или выкопать арык, зато потом появится возможность распахать не эту жалкую делянку, а целое поле. Используя воду для ирригации, оазис можно будет продлить, отвоевать у пустыни еще часть земли, создать здесь нормальное земледельческое хозяйство. Тогда не придется жить впроголодь, экономя каждую крошку.

Однако Ак-Джо посмотрел на Эйхгорна снисходительно и даже с какой-то жалостью. Затевать все эти работы он отказался наотрез, сказав, что ему одному хватает того, что есть, а создавать больше, чем тебе требуется – раздувать скопидомство.

Особенную неприязнь вызвала у него идея водяной мельницы. Оказалось, что Ак-Джо – правоверный началист. Большинство адептов этого культа живут вполне обычно, как все, но самые упоротые, подобно Ак-Джо, не едят мяса, не убивают даже насекомых и всячески упрощают свою жизнь.

Любая машина-де – зло. У человека, который пользуется машиной, сердце становится машинным. Такой человек утрачивает свое естество и отходит от Начала. Поэтому лучше молоть зерно вручную, чем применять механизм.

Эйхгорн выслушал все это со снулым взглядом. Спорить не стал. Он вообще предпочитал не спорить с идиотами.

На следующий день Эйхгорн стал собираться в дорогу. Ак-Джо нарисовал на песке примитивную карту окрестностей – оказалось, что до Ибудуна уже недалеко. Километров пятьдесят... или шестьдесят... или семьдесят. Ак-Джо просто сказал, что от оазиса до города два дневных перехода.

– А сколько это во вспашках? – попытался уточнить Эйхгорн.

– Во вспашках?.. – задумался Ак-Джо. – Э, друг, да какая разница?

Эйхгорну была разница. Он всегда хотел знать точное расстояние. Чем точнее, тем лучше.

А вот Ак-Джо не видел в этом никакой надобности. Он беззаботно пожал плечами и сказал:

– Друг, я не мерил. Да и можно ли измерить так много земли?

– Можно, – заверил Эйхгорн.

– Даже если можно – зачем? Все равно это только маленький кусочек мира. А весь мир измерить уж точно невозможно.

– Возможно, – возразил Эйхгорн. – Я это сделал. Радиус этой планеты – двадцать пять тысяч двести сорок пять вспашек. Плюс-минус энное число на погрешность измерения.

Ак-Джо снисходительно рассмеялся, похлопал Эйхгорна по плечу и сказал:

– Ты хороший человек, друг, но ты говоришь ерунду. У мира нет никакого радиуса – он же треугольный.

Эйхгорн посмотрел снулым взглядом. Простейшие наблюдения убеждают в том, что Парифат имеет форму шара. Вероятно, это скорее геоид, и даже более сплюснутый, чем Земля, но это уже частности.

– Почему ты считаешь, что мир треугольный? – неохотно разлепил губы Эйхгорн.

– Друг, это же очевидно. Три – совершенное число, которому подчиняются даже боги. Всего в этом мире по три. Существует три мировых треугольника – нижняя твердь, воздух и верхняя твердь. По углам нижняя и верхняя тверди соединены великими змеедухами, а нижняя твердь возлежит на плечах трех великанов. Частей света в мире тоже три, и все это вертится вокруг великого стержня, который находится в центре масс...

Ак-Джо еще некоторое время распинался, но Эйхгорн уже не слушал. Его не интересовала мифологическая космогония. Плоская земля, слоны и черепахи,

сосцы небесной коровы... почему все это не осталось в каменном веке?

- ...А если в самом деле хочешь узнать точный размер Парифата - спроси об этом у Ках-Ура Местермегази, самого прославленного нбойлехского астронома, - донеслось до Эйхгорна. - Мэтр Местермегази знает все на свете.

Взгляд Эйхгорна стал осмысленным. Эти слова феллаха его заинтересовали. Побеседовать с настоящим астрономом, пусть даже средневековым, будет отнюдь не лишним. По крайней мере, он выяснит, что известно о собственном мире здешним ученым - и будет знать, что имеет смысл открывать, а что уже открыто до него.

Чертовски жаль, что так и не удалось приобрести Озирскую энциклопедию. Этот пробел надо будет тоже восполнить... как-нибудь потом. Благодаря королевским отпускным в карманах Эйхгорна сейчас три золотых регентера, семь серебряных и денежная расписка. Остальные сбережения он истратил на постройку самолета.

- Где искать этого астронома? - спросил Эйхгорн.

- Да неподалеку от Ибудуна. У него там башня - у любого спроси, покажут. Только поторопись, а то сегодня уже... какой сегодня день?

- Бриллиантового Тигра, - ответил Эйхгорн.

- А, тогда ты еще успеешь. Мэтр Местермегази предсказал, что умрет в день Бирюзового Крокодила. У тебя еще больше луны в запасе.

- Предсказал?.. - переспросил Эйхгорн. - Он что, еще и прорицатель?

- Нет, астролог.

- Астролог?.. - слегка скис Эйхгорн. - Ты же сказал, что он астроном.

- И астроном тоже. Это ж одно и то же.

Эйхгорн стал подыскивать слова, чтобы объяснить, насколько это не одно и то же. Но слова не желали подыскиваться.

- Друг, а что не так? – удивленно спросил Ак-Джо, уловив недовольство Эйхгорна.

- Меня интересует астрономия, – неохотно ответил тот. – Не астрология.

- А почему? Ты что, не веришь в астрологию?

Эйхгорн посмотрел снулым взглядом. Верит ли он в астрологию? Глупее вопроса не придумать. Эйхгорн всегда и во всем искал доказательств, но если оных нет – это еще не означает, что идея несостоятельна. Возможно, доказательства отыщутся позднее. Однако если идея опровергнута – верить в ее истинность может только полный идиот, не желающий смотреть в лицо фактам. А несостоятельность астрологии как идеи доказывается простейшими математическими методами.

Однако он решил все же заглянуть к этому астроному-астрологу. В конце концов, средневековые астрономы Земли тоже часто промышляли гороскопами – надо же было как-то зарабатывать на жизнь. Кто виноват, что за эту ахинею платили лучше, чем за научные исследования?

Перед уходом Эйхгорн поужинал ячменной кашей. Он бы предпочел что-нибудь мясное, но очень уж Ак-Джо хотел угостить его плодами своих трудов. Сидя на берегу и прихлебывая безвкусную жижицу, Эйхгорн сверлил взглядом лежащего в грязи крокодила. Тот время от времени зевал.

- Будешь в Ибудуне, передай поклон моим родичам, – попросил Ак-Джо. – Мой дядя – добрейшей души человек, он будет тебе рад.

- Передам, – согласился Эйхгорн. – Где мне его найти?

- Да на невольничьем рынке спроси, тебе всяк покажет. Дядя Ук-Хар – очень уважаемый работорговец.

На этот раз взгляд Эйхгорна стал снулым очень надолго. Но в конце концов он переварил этот оксюморон и молча кивнул. Добрейшей души работороговец, ладно. Бывает.

Хотя информация о том, что в Нбойлехе существует рабство, оказалась для Эйхгорна новой. Жуаль Гетуорре в своей книге об этом не упоминал. Довольно странно – ведь в Парибуле и других Маленьких Королевствах ничем подобным и не пахнет. Даже вилланы – фригольдеры, платящие помещику земельную ренту, но совершенно свободные лично.

На закате Эйхгорн покинул оазис и вновь ступил на горячий песок. Его ожидали еще двое суток пустыни. Но воды и пищи теперь было вдоволь, так что он не тревожился.

Ак-Джо помахал Эйхгорну вслед, а потом вдруг начал что-то кричать. Эйхгорн отошел уже довольно далеко, так что ветер донес до него только обрывки слов:

– ...егись!.. ченогов!.. егись!..

– Что?! – приложил ладони ко рту Эйхгорн.

– ...еногов!..

Возвращаться ради какой-нибудь чепухи Эйхгорну не хотелось. А судя по тому, что Ак-Джо не сделал попытки его догнать, это не слишком важно. Наверное, еще кому-нибудь надо привет передать.

К тому же впереди Эйхгорн заметил темное пятнышко... очень плохо видимое, но все равно странным образом знакомое. Сразу же забыв о бесполезном отшельнике, он ускорил шаг.

Догадка оказалась верна. Подойдя ближе, Эйхгорн испытал двойственные чувства, обнаружив остов самолета. Даже удивительно, как далеко добралась его «Переперделка».

Выглядела она паршиво. Покоцанная, покореженная... да и какой еще она могла быть, рухнув с километровой высоты?

Хотя нет. Осмотрев следы аварии, Эйхгорн пришел к выводу, что самолет снижался очень медленно. А коснувшись носом песка – еще и пропахал борозду в добрую сотню метров.

Но подняться в воздух ему точно больше не светит. Крылья отвалились, часть обшивки сорвало еще в полете, пропеллер разлетелся в щепки, от шасси осталось одно воспоминание, а фюзеляж распорол, словно он ехал по рифам.

А вот двигатель уцелел и даже по-прежнему работал. Жаркамень неумоимо источал тепло. Действительно, чрезвычайно полезное вещество.

Хотя забирать его Эйхгорн не стал. Таскать на себе жаркамень, да еще по пустыне – удовольствие ниже среднего. Мало того, что упаришься, так еще и вода в бутылках выкипит.

Еще дважды обойдя останки самолета, Эйхгорн обнаружил некую странность. На металле виднелись следы каких-то порезов. Кто-то словно кромсал машину ножницами по металлу.

Интересно, кто или что могло сделать такое?

А потом Эйхгорн неожиданно получил ответ на свой вопрос. Правда, сначала он его не распознал – просто увидел вдалеке движущуюся полосу.

В первый момент Эйхгорну показалось, что он видит поезд. Но этого, разумеется, быть не может – значит, караван. Только вот движется он что-то очень уж быстро... медленнее поезда, но гораздо, гораздо быстрее любого каравана!

Прямо на глазах эта полоса приблизилась, и у Эйхгорна внутри похолодело. Это оказался совсем не караван.

Хотя ног у него было даже побольше...

Исполинская многоножка – вот что на полных парах мчалось к самолету и человечку рядом с ним. Около двух метров в высоту и добрых восьмидесяти – в длину. Не ожидая от этой встречи ничего хорошего, Эйхгорн бросился наутек, но

уже через пару минут понял, насколько это бессмысленно. Он еле полз, увязая в песке, а многоножка неслась со скоростью принтера.

– День Бриллиантового Тигра тысяча пятьсот четырнадцатого года, – флегматично произнес Эйхгорн в диктофон. – Местное время – пятый закатный час. Нахожусь в великом халифате Нбойлех, ближайший крупный населенный пункт – Ибудун. Наблюдаю чрезвычайно крупное, агрессивно настроенное и стремительно приближающееся животное. Полагаю, что мне [цензура].

Чудовище догнало Эйхгорна в считанные минуты. Длиннущее тулово описало дугу, отрезая жертве все пути к бегству, а передняя часть приблизилась к ней вплотную.

Это существо действительно выглядело гигантской многоножкой. Сегментарное тело, сотни сравнительно коротких суставчатых ног, пара огромных холодных глаз и жвала-клешни, растущие по бокам страшной пасти. Лоснящаяся черная шкура выделялась на фоне песка, как тропическая птица на снегу.

Судя по всему, маскировочный окрас этой твари попросту не требовался. К своей добыче она явно не подкрадывалась, а просто догоняла. Что же до природных врагов... хотел бы Эйхгорн увидеть хищника, опасного для этого монстра!

Правда, Эйхгорна он пока не ел. Мелко перебирая бесчисленными ногами, гигант замкнул кольцо, разверз пасть, обдав жертву непереносимой вонью, и сухо прощелкал:

– Ты человекккх?..

Вот это действительно стало сюрпризом. Оно... оно разумно?!

– Человек, – медленно кивнул Эйхгорн. – А ты кто?

– А ты что, сам не видишь? Я тысяченог. Меня зовут Ах-Мес-Соо-Тхтхка-Ди. Какккх зовутхх тебя?

– Исидор.

– Смешное имя, – без всякого выражение произнесло чудовище. – И одежда смешная. Какххх у волшебника. Ты что, волшебникххх?

– Нет. Но кирпичей я тут наколдовал, – признался Эйхгорн. – Это ты погрыз мой самолет?

– Самолетххх?.. Ты имеешь в виду эту смешную железную штуку? Да, я. Из нее смешно пахло. Что ты делаешь в моих владениях, человекххх?

– Я не знал, что это твои владения. Я думал, что это просто... пустыня.

– Пустыня. Моя пустыня. Та часть, что отхххсюда и до зеленого озера, и до великиххх камней, и до небольшого разлома, и до западной границы – это все мое. Севернее – владения дяди Мо-Кхххпа-Отххх-А-Коо. Восточнее – владения мамы. Южнее – владения красавицы Су-Пхари-Оро-Тонко-Да. А здесь – мое.

Эйхгорн снова медленно кивнул. И так, тысяченоги поделили всю нбойлехскую пустыню на личные зоны. Причем зоны очень большие, что неудивительно. Очевидно, что гигантские многоножки – хищники, а с дичью в пустыне скудно. По всей видимости, эти великаны крайне немногочисленны, раз уж Эйхгорн шел по барханам несколько дней, и вот только сегодня повстречал одного из них.

– Я могу тебе чем-то помочь, или мне можно идти? – осторожно спросил Эйхгорн.

– Нетххх, человекххх, ты никуда не пойдешь, – издал сухое шипение тысяченог. – Ты ходишь по моей земле. Всякое животхххное, что ходитххх по моей земле, принадлежитххх мне.

– Но я не животное, – возразил Эйхгорн. – Я человек.

– Человекхххх – это тоже животххххное.

Эйхгорн посмотрел снулым взглядом. Угораздило же его наткнуться на чудовище, разбирающееся в биологии.

– Однако древние священные законы тысяченогов запхххрещаютххх есть обладателей разума, – неохотно сказал монстр. – Если ты им обладаешь, я

отхтхпущу тебя, человекххх.

- Обладаю, - поспешил заявить Эйхгорн. - Вот, гляди, я говорю, я ношу одежду.

- Не аргументы, - презрительно фыркнул тысяченог. - Кххкто угодно можетхтх скхххладывать звуки в слова - это легко. А одежда - пхпхризнак глупости, а не разума. Ты видишь на мне одежду, человекххх?

- Тогда какие же доказательства тебе требуются?

- Те, что мы тхтхребуем отхтх всякого животхтхного, - издевательски прощелкал тысяченог. - Пересчитай мои ноги.

- Пересчитать твои ноги?.. - недоверчиво повторил Эйхгорн.

- Именно. Пересчитай. Ошибешься - значит, ты не умеющее считатхтх животхтхное, и тебя можно съесть. Назовешь точное число - я тебя отпущу. Это древняя тхтхрадиция тысяченогов - мы милостивы и добры, поэтому всегда даем еде шанс спастись.

- А если я откажусь? - любопытно спросил Эйхгорн.

- Попробуй, - подался вперед тысяченог.

Его жвала-клешни скрестились, точно ножницы. Они явно могли рассечь человека одним движением. Кошмарная харя глядела на Эйхгорна пустыми глазами-плошками.

Эйхгорн понял, что выбора у него нет. Спротивляться бессмысленно - разве человек одолеет тварь такого размера? Без пулемета - точно нет. Убежать тоже не получится - монстр бежит гораздо быстрее.

Остается сделать то, чего он хочет, и надеяться, что это не просто злая шутка, призванная стать аперитивом перед обедом.

Тысяченог оказался невероятно длинным. Даже не восемьдесят метров, а все восемьдесят пять. Пока Эйхгорн медленно шагал от головы к хвосту, он стоял

неподвижно, лишь слегка покачиваясь из стороны в сторону. Его ужасные жвалы чуть заметно подрагивали.

Кому-то может показаться, что сосчитать чьи-то там ноги – задача плевая. Но на самом деле это сложнее, чем кажется. Ног сотни, они совершенно одинаковые, и обсчитаться довольно легко. Переводя взгляд, можно запросто пропустить одну или какую-то посчитать дважды. Если бы это было не так, тысяченоги точно не давали бы своим жертвам шанса спастись.

Однако Эйхгорн, с детства страдающий арифмоманией, привык подсчитывать все и вся. Ошибиться ему не грозило, поэтому он особо не нервничал.

С правой стороны он насчитал пятьсот восемь ног. Если рассуждать логически, всего их должно быть вдвое больше – тысяча шестнадцать. Но что-то останавливало Эйхгорна от объявления такого итога. Он рассматривал жуткую морду гигантской многоножки, глядел в черные непроницаемые глаза... и в конце концов решил потратить еще немного времени и пересчитать левые ноги вручную.

Через три минуты он возблагодарил свою интуицию. У тысяченога не хватало сто сорок второй левой ноги. На ее месте зияла прореха – незаметная издалека, но сразу видная, если подойти поближе.

– Тысяча пятнадцать, – наконец объявил Эйхгорн.

– Ты уверен в своем отхххвете, человекххх? – спросил тысяченог.

Как и все прежние реплики, эта звучала сухо и безжизненно, словно треск помех в радиоприемнике. Но Эйхгорну показалось, что на сей раз в голосе тысяченога проступает досада.

– Уверен, – кивнул он.

– Кххххххх!.. – зашипел монстр.

– Я могу идти? – осведомился Эйхгорн.

Он не сомневался в правильности подсчета.

– Можешь, – крайне неохотно ответил тысяченог. – Ты доказал свою разумность, человекххх. Но я очень надеюсь, что тебе встхтхретитхтхся дядя Мо-Кххкпа-Отхтх-А-Коо. Его ноги еще никххкто не смог сосчитать правильно.

– Почему? – удивился Эйхгорн.

– А он всегда несколько штукххх загибаетхтх под брюхо. Такая у него смешная шутхтхка...

Глава 34

По счастью, Эйхгорн не встретился с дядей Мо-Кпа-От-А-Коо. Памятуя, что тот бродит к северу от владений Ах-Мес-Соо-Тка-Ди, он специально взял немного к югу. Ему вполне хватило знакомства с одним тысяченогом.

Впрочем, до края пустыни оставалось уже недалеко. И в этих землях она была уже далеко не столь безжизненной. Песка становилось меньше, все чаще попадалась растительность, представители фауны, а порой и люди. Правда, неизменно большими группами – и одинокому Эйхгорну они сильно удивлялись.

На исходе второго дня он присоединился к попутному каравану. Вооруженный до зубов, тот следовал в Ибудун из Маленьких Королевств – по самому краешку дюн, держась обжитой местности.

Как поведал Эйхгорну один из купцов, вглубь пустыни люди ходят редко. Во-первых, там нечего делать – путешествовать и возить грузы удобнее водой. Во-вторых, тысяченоги. Проклятые тысяченоги, настоящий бич нбойлехских песков.

Нужно быть очень везучим, чтобы пересечь их из конца в конец, ни разу не столкнувшись с этими чудовищами. Либо передвигаться в многочисленной, хорошо вооруженной компании – таких тысяченоги сами благоразумно избегают.

Оказалось, что эти страшные хищники действительно предоставляют каждой жертве шанс спастись, правильно пересчитав их ноги. Но далеко не всем это удастся так же легко, как Эйхгорну. Обсчитаться действительно проще простого, а попытка только одна.

С этим караваном Эйхгорн совершил последнюю, уже ничем не примечательную часть пути, и в четвертом полуденном часу дня Бамбукового Волка вступил в тень Ибудуна.

Да, этот город оказался больше Альбруина. Намного больше. На целые порядки больше. Раскинувшийся на просторе, он мог поспорить с земными городами-миллионерами. Не с такими, понятно, гигантами, как Москва или Питер, но с Казанью или Челябинском – вполне. А ведь даже Париж во времена средневековья был меньше раз этак в пять.

Чего стоила одна крепостная стена – добрых двадцати метров высотой, возведенная из огромных глыб и архитектурой похожая на ту пирамиду, что Эйхгорн видел в пустыне. Эта коричневая громада охватывала город полукругом – от берега до берега – и видна была задолго до того, как караван до нее дошел.

Ворота тоже были соответствующие. Тоже намного, намного шире, чем в Альбруине.

А уж насколько шире оказались стоящие при них стражники!

На входе Эйхгорн расстался с караваном. Верховые, скот и гужевой транспорт двигались через большие ворота, проходя таможенный досмотр. Для пеших же имелась отдельная калитка, и таможня их не трогала. Одни просто показывали пропуска, другие платили пошлину.

У Эйхгорна пропуска не было. Невероятно толстый стражник в будке секунд десять пристально изучал его лицо и одежду, а потом сказал, словно выплюнул:

– Имя.

– Эйхгорн, – представился Эйхгорн.

Называться Исидорьякой ему больше не хотелось.

- Вид, раса, вероисповедание, возраст.

- Человек, белый, ктототамец, сорок три года.

- Волшебник?

- Нет.

- А кто тогда?

- Инженер.

- А, мосты строишь... Откуда к нам?

- Парибул.

- Парибул, Парибул... это город?..

- Нет, королевство. Одно из Ста Маленьких Королевств.

- А, эти-то... - презрительно наморщил нос стражник. - Гэ-гэ... Цель посещения?

- Купить очки и осмотреть достопримечательности.

- Я запишу - по личным делам, - проворчал стражник, калякая пером. - Как долго собираешься у нас пробыть?

- Несколько дней. Может, немного дольше.

- Ладно, выпишу на одну луну, - вырвал листок стражник. - Гостевая пошлина - шесть медлей.

- Гм...

– В южных деньгах – четыре ту.

Эйхгорн вложил в потную ладонь большой ту, известив, что сдачи не надо. Лицо стражника заметно подобрело. Он даже попытался улыбнуться, но получилась какая-то гримаса.

Немалый путь Эйхгорн проделал, стремясь в город Ибудун. И едва войдя в него, убедился – не зря, совсем не зря. Перенеси червоточина Эйхгорна сюда, а не в Парибул, он бы и на миг не заподозрил, что находится на средневековой Земле.

Архитектура хотя и имела некоторые арабско-персидские черты, разительно отличалась от земной. Здания в форме вытянутых полушарий, бесчисленные балкончики, на которых едва помещался один человек, шестиугольные окна-соты и полное отсутствие дверей. Дверные проемы есть, дверей нет. Только легкие газовые занавески.

Эйхгорна это поначалу очень удивило – неужели тут настолько низок уровень преступности? Но заглянув в один такой проем, он понял, в чем дело. Просто то были многоквартирные дома – и в «подъезд» действительно мог войти любой желающий. Но дальше начинались вполне нормальные двери, запертые на замки.

И однако здания все равно ошеломляющие. Большинство – относительно невысокие, всего в три-четыре этажа. Но попадались и семи-, и десятиэтажные, а на одной из улиц Эйхгорн увидел даже настоящий небоскреб в двадцать шесть этажей. Он машинально считал их у каждого дома, мимо которого проходил.

Столь высотное здание Эйхгорна удивило. Одно дело – нефункциональные постройки вроде храмов и пирамид, но совсем другое – жилые дома. Отопление, хорошо, в здешнем климате не требуется. А как быть с водопроводом, с канализацией? На двадцать шестой этаж с ведрами не набегаешься!

Да и без ведер тоже. Такое высотное здание попросту невысказимо без лифта. Вон как мучился Эйхгорн в своей башне волшебника – а ведь та была вдвое ниже! И, насколько Эйхгорн понял, изначально вообще не предназначалась для жилья – просто наблюдательная точка. Типа сухопутного маяка.

Но войдя в эту высотку, Эйхгорн увидел... лифт. Очень похожий на земной, только без раздвижных дверей. И без кнопок – их заменяла площадка с какой-то жидкостью. Прямо на глазах Эйхгорна вошедший жилец обмакнул в нее пальцы, брызнул на пол... и через несколько секунд к нему спустился лифт! Жилец вошел в него, вопросительно глянул на Эйхгорна, пожал плечами, когда тот отказался заходить, и певучим голосом произнес:

– Десятый этаж, если будет на то воля Херема.

Лифт унесся ввысь, оставив Эйхгорна в полном изумлении.

На сей раз он недолго размышлял над объяснением. Магия, разумеется. Чертова магия, которую пока не получается объяснить рационально.

Ничего, все еще впереди.

Кроме высотных зданий с волшебными лифтами в Ибудуне нашлось еще немало интересного. Центром его, как и в Альбруине, был дворец – причем раз в десять больше, чем у парибульского короля. Настоящая крепость, закованная в каменную скорлупу. Громадный купол виднелся отовсюду – из любого окна, с любой улицы. Великий халиф Нбойлеха явно не поскупился, возводя свою резиденцию.

Сам же город делился на ремесленные кварталы, и у каждого был свой неповторимый аромат. Квартал кузнецов дымил, коптил и оглушительно громыхал. В квартале мясников стоял удушливый запах крови. Квартал кожевников смердел еще хуже. В квартале угольщиков ощутимо требовался противогаз. В квартале винокуров можно было захмелеть, просто глубоко дыша.

Ближе к центру воздух становился почище. Там располагались кварталы ткачей, стеклодувов, ювелиров, парфюмеров. А между халифским дворцом и гаванью развернулся огромный купеческий квартал. Здесь обитала и знать – впрочем, в Нбойлехе между дворянами и купцами разницы почти что не было. Всякий почтенный человек имел свой бизнес – держал лавки или мастерские, водил караваны или торговые суда...

Именно купеческий квартал был настоящим ядром, сердцем Ибудуна. На каждом шагу торговые точки, бани, харчевни, чайханы, караван-сарай. Отовсюду

слышались крики зазывал, приглашающих что-нибудь купить, вкусно покушать или попариться в хаммаме с красивыми девочками.

А еще повсюду были мечети... то есть, храмы Херема. Еще в Парибуле Эйхгорн узнал, что Нбойлех – херемианская страна. В отличие от классических сеvigистов, которые считают верховным богом Космодана, бога небес и вообще пространства, херемиане утверждают, что самый главный – Херем, бог времени. Это и есть основное различие между их религиями.

Как и в большинстве общественных заведений Ибудуна, в храмах не было дверей. Внутри же царила глубокая аскеза – никакой мебели, никаких украшений. Посетители сидели на голом каменном полу, взирая на единственный элемент декора – огромные песочные часы. Отмеряя время, чуть слышно шуршали песчинки, и это был единственный звук, что допускался в храме.

Херем не любит молитв и песнопений, ему чужд колокольный звон и неприятна суета. Вечное спокойствие пустыни и размеренный ход времени дарует он людям. Его адепты – приверженцы тишины и неподвижности. Молчальники. Созерцатели. Вот каковы те, кто избирает путь Херема.

В купеческом квартале тоже выделялись улицы побогаче и победнее. Эйхгорн в конце концов вышел на самую шумную и богатую – Старый Кишлак. Если верить запискам Жуаля Гетуорре, именно отсюда начался Ибудун.

В глубокой древности это место было именно кишлаком – селением, в котором зимовали бедуины. Но со временем его жители перешли к оседлому образу жизни, освоили мореходство, стали торговать с соседями, построили настоящий город, окружили его стенами, завели себе эмира, а потом прибрали к рукам весь полуостров и стали великим халифатом.

Типичная история успеха.

Народ по Старому Кишлаку гулял сплошь важный, хорошо одетый. Если в Маленьких Королевствах костюмы в целом походили на европейские, то в Нбойлехе возникали ассоциации скорее с ближневосточным дресс-кодом. Большинство носили халаты или бурнусы, на голове – куфии или тюбетейки. Талию многие обворачивали широким шелковым поясом с золотыми или

серебряными кистями. На ногах сандалии или чувяки с острыми носами.

Почти все женщины прикрывали лица вуалями. Правда, очень тонкими, совершенно прозрачными. Делалось это не для того, чтобы прятать лицо, а чтобы защищать его. Палящее солнце, песчаные бури, горячий ветер, насекомые... все это скверно влияет на нежную кожу.

Благодаря вуалям или чему другому, кожа у здешних девушек была безупречной. Светло-орехового оттенка, идеально гладкая, она превосходно обрамляла точеные носики и миндалевидные глаза. Как и парибульцы, нбойлехцы принадлежали к европеоидной расе, но отличались от своих южных соседей не меньше, чем кавказцы от славян. Более смуглые, почти поголовно брюнеты, с несколько иными чертами лица и чуть выпяченными губами, они с любопытством тарасились на Эйхгорна, сразу распознавая в нем иностранца.

Конечно, в Парибуле Эйхгорн тоже выглядел иностранцем. Но на тамошних жителей он все же походил больше. А здесь сразу видно – чужак.

Впрочем, проблем с этим не возникало. В Старом Кишлаке иностранцы попадались на каждом шагу – и далеко не все они были людьми. Неулыбчивые малькароны в дорогих костюмах. Атлетические тримейцы в медных доспехах. Придурковатые разбанцы в нелепом тряпье. Смуглые татуированные тхарийцы в тюрбанах. Чернокожие харгальцы со множеством мелких косичек. Карлики-гоблины из Холобонда. Длинноусые котаи из Чера. Кистеухие фелины из Шутринда. Крокодилоподобные акрилиане со стозубыми улыбками. В порту Ибудуна встречались гости из десятков государств. Самые разные нации, расы и виды.

Понемногу начало смеркаться, и Эйхгорн решил заняться делами. Первым делом он отыскал лавку менялы – благо в Старом Кишлаке они встречались на каждом шагу. Добродушного вида толстяк за прилавком принял расписку своего альбруинского коллеги, внимательно ее изучил и пробасил:

– Регентеры, э?.. Сегодняшний курс – четыреста пятьдесят семь и шестьдесят пять. Вам по номиналу выдать или местными?..

– Местными, – попросил Эйхгорн.

– Тогда это будет... с учетом моего процента... эм... три тумана, три денгара и четыре грамена, – отсчитал монеты меняла. – Примите и распишитесь.

Эйхгорн опустил в карман десять тяжеленьких кружочков. Теперь он уже лучше разобрался в местных финансах, так что комиссию менялы подсчитал сразу же. Курс золотого регентера – 457.65 условных единиц, так называемых хлебов. Своеобразный индекс Биг-Мака – стоимость монеты измеряется в количестве лепешек, которые за эту монету можно купить.

А текущий курс валюты Нбойлеха написан прямо здесь, на грифельной доске: туман – 1325 хлебов, денгар – 132.5 хлеба, грамен – 13.25 хлебов. Итого Эйхгорн получил 4425.5 хлебов, хотя альбруинскому меняле сдал десять золотых регентеров или 4576.5 хлебов.

Сто пятьдесят один хлеб пришлось выложить за этот аналог Western Union. Больше серебряного регентера. И Эйхгорну это, в общем-то, не очень и требовалось – он просто хотел на личном опыте проверить, как работает система.

Расписками менял, этими грубыми подобиями банковских чеков, здесь пользуются в основном купцы. Ибо металлическая наличность мало того, что приманивает преступный элемент, так еще и немало весит. Пара сотен золотых – это уже груз, серьезно оттягивающий карман. А если ты богач, который меряет их тысячами?

Вот менялы и предоставляют удобный сервис. Но не задешево.

После менялы Эйхгорн наконец-то отправился туда, куда стремился в первую очередь. В мастерскую оптика. Такая в Ибудуне действительно нашлась – в самом оживленном месте Старого Кишлака. В окна вместо обычных стекол были вставлены мощные линзы – такой оригинальный вариант рекламы.

Торговали внутри не только очками. На бархатных подушечках лежали монокли, лорнетты, пенсне... Здесь же можно было приобрести подзорную трубу или перспективу.

Жаль, линз-хамелеонов в этом мире еще не изобрели.

Эйхгорн даже примерил один монокль и ему неожиданно понравилось отражение в зеркале. Однако удерживать эту штуку в глазнице оказалось неудобно. Да и не годится монокль при действительно сильной близорукости – второй-то глаз останется полуслепым.

Новые линзы и оправу Эйхгорн выбирал долго. Очки для человека с серьезным дефектом зрения – самая важная вещь в жизни. Без всего остального обойтись можно, без очков – нет. Так что экономить на этом аксессуаре Эйхгорн точно не собирался.

Прежде всего он, конечно, показал мастеру собственные, полуразвалившиеся. Тот с интересом осмотрел земное изделие, сочувственно поцокал языком и взялся починить – но попросил на работу трое суток. Эйхгорн был приятно удивлен столь коротким сроком, но даже три дня без очков – это слишком долго. Что ему все это время – косяки лбом сшибать?

Увы, среди уже готовых очков подходящих Эйхгорну не нашлось. Ассортимент лавки не отличался разнообразием – как и одежду, очки большинство здешних клиентов заказывали персонально под себя. Так поступил и Эйхгорн – мастер снял с него мерки и проверил остроту зрения (здешняя таблица Сивцева мало отличалась от земной).

– Будет готово через десять дней, – сообщил он. – Останетесь довольны, сударь.

Эйхгорн тоже на это надеялся. Ему надоело таскать на носу обломок кораблекрушения. Попросив мастера скрепить его на скорую руку, чтобы хоть линза не вываливалась, Эйхгорн договорился, что когда будут готовы новые очки, он отдаст в ремонт эти.

Иметь запасные будет очень не худо.

За новые очки мастер запросил девять денгаров. За починку старых – три денгара. Кусачие цены, но ничего не попишешь. Эйхгорн выплатил задаток, получил расписку и покинул лавку. Приближалась ночь, а он еще не подыскал крышу над головой.

Проблемой это стать не должно. В Ибудуне полно караван-сараяв – местного аналога отелей. Эйхгорн сразу же двинулся в самый большой и пафосный,

похожий на дворец Альгамбры.

Увы, цены оказались под стать архитектуре. Напыщенный халдей глянул на покрытого пылью путника свысока и сквозь зубы озвучил тарифы, вызвавшие у Эйхгорна недовольное ворчание. Самый дешевый номер стоил два денгара за ночь. Если дожидаться новых очков здесь, в карманах не останется ни шиша.

В других гостиницах Старого Кишлака цены оказались лишь чуть ниже. Элитный район все-таки. Вероятно, на окраинах караван-сарай попроще, но Эйхгорн чертовски устал и мечтал сбросить рюкзак, поесть, принять душ и завалиться спать. Так что он остановил выбор на небольшом мотельчике, в котором цены тоже кусались, но не так больно.

За один денгар Эйхгорн получил в свое распоряжение приличную комнату с лежанкой, ковром и кувшином воды. В качестве комплимента гостю на низеньком столике лежал разрезанный надвое фрукт – что-то фиолетово-красное, с крупными зернами.

К сожалению, санузла в номере не было. Умываться предлагалось у фонтана во дворе, а вопрос об отхожем месте служитель вообще не понял. Только махнул неопределенно рукой и удрал к воротам – в них въезжали два разодетых толстяка на верблюдах.

Возможно, справлять нужду в Нбойлехе можно где угодно. Или делается это неким неочевидным способом – двумя палками, тремя ракушками... Эйхгорн даже поискал взглядом, нет ли где каких дверей, символов или отверстий.

Ничего похожего. Но как-то же они должны решать эту проблему.

В конце концов Эйхгорн просто нашел укромное место в темном конце двора и закрыл вопрос.

Следующий день Эйхгорн решил посвятить обустройству на новом месте. В его карманах все еще хватает наличных, но если и дальше жить в караван-сараях, они быстро иссякнут. Надо найти более доступное жилище, определиться с пропитанием (взятый в дорогу сухпак почти закончился) и попробовать найти источник заработка. Король Парибула больше не будет ежедневно платить ему по золотому регентеру.

Эйхгорн начал с поиска квартиры. Сам процесс оказался несложным – в Старом Кишлаке хватало «риэлторов». Правда, здесь они не носили деловых костюмов и не отличались респектабельностью – в основном то были чумазые мальчишки, готовые предоставить клиенту все, чего душа желает.

Хочешь квартиру – пойдем, дорогой, бабушка Тю-Гни сдает прекрасную светлую мансарду, да еще и с завтраками. Хочешь покушать – пойдем, дорогой, тетя Е-Нка держит отличную харчевню, а дядя Ха-Бзи делает лучший в мире кебаб. Хочешь отдохнуть – пойдем, дорогой, познакомлю с моей сестрой А-Юй и ее подружкой Ла-Мпу.

Семейный бизнес, найдется все.

Если вдруг так случится, что у данного «риэлтора» среди родни не найдется того, кто предоставляет желаемый сервис, он моментально вызовет кого-нибудь из «коллег» – и, само собой, не забудет взять с него комиссионные. Эти шустрые пацаны носятся по всему Ибудуну.

Правда, быстро выяснилось, что большинство ибудунских квартир построены вкривь и вкось. В каждом доме либо нету лифта, либо низкие потолки, либо ужасно темно, либо в коридоре толком не развернуться. И хорошо еще, если недостаток всего один.

Но об этом «риэлторы» не заикались ни словом. Любое жилье в их описании представало дворцом царицы Савской. На деле же «уютная комната» оборачивалась чуланчиком, в котором едва помещался тюфяк. «Прекрасный вид» – квартирой на последнем этаже, насквозь пропекаемой солнцем. «Полный покой» – окна вплотную к стене соседнего дома. «Оригинально, интересно» – кривой потолок или стены. «Идеально для первой покупки» – абсолютное дерьмо.

В конце концов Эйхгорн подыскал приемлемое соотношение между ценой и качеством. Квартиры получше стоили неразумно дорого, а в более дешевых невозможно было жить. Эйхгорн же снял просторную светлую комнату в квартале ювелиров. Ее хозяйке, ветхой старушке, принадлежал целый этаж – в двух комнатах она жила, остальные сдавала.

Эйхгорн сторговался с ней за два грамена в день – по местным меркам очень даже скромно. Он сразу заплатил за десять дней вперед.

Оставив дома рюкзак, Эйхгорн вновь отправился в купеческий квартал. На сегодня он запланировал еще пару дел, и первым из них было посещение чародейской лавки. В Ибудуне таковых оказалось пять – все в Старом Кишлаке. «Лавочка дядюшки Ук-Джо», «Особые ценности», «Чародейный уголок», «Умные вещи» и «Зелья Гиракессы».

Эйхгорн обошел все.

В первой лавке торговали разного рода... устройствами. Эйхгорн не знал, как это правильнее назвать. Были там ковры-самолеты, были дальнозеркала, были волшебные светильники, были трубочки, позволяющие дышать под водой, были воронки, превращающие морскую воду в пресную...

Многое из этого Эйхгорн не отказался бы занять в собственность, но цены совсем не радовали. Из всего ассортимента он мог позволить себе только дыхатель – ту самую «трубку Ихтиандра». Тот стоил туман и два денгара. Однако и это изрядно опустошило бы кошелек Эйхгорна, а источников дохода у него пока что не было.

В других лавках цены отличались мало. А вот ассортимент – значительно. Во второй лавке, например, торговали разного рода... носителями информации. Помни-зернами, например, – как чистыми, так и заряженными разными зрелищами. Или чувственными шариками – кусочками хрусталя, содержащими различные эмоции. Положишь такой в рот – и тебя охватит радость или станет очень весело.

В продаже имелись и отрицательные эмоции, но их редко брали.

В третьей лавке предлагали талисманы и амулеты. В основном мелкие – защищающие от каких-то конкретных болезней, бедствий или злых чар. Был, например, нефритовый амулет, гарантирующий от удара молнии. Эйхгорн очень пожалел, что не обзавелся таким перед полетом. Даже приценился было, но передумал – слишком мал шанс, что снова пригодится.

В четвертой лавке выбор был очень скуден, зато каждый предмет – индивидуальной сборки. Зеркало, показывающее прошлое. Летающий зонт. Кольцо-невидимка. Магнит, стирающий память. Огненный меч. Вертушка, вызывающая ураган. Каждое из этих сокровищ хозяин лавки сделал своими руками, и за каждое просил огромных денег. Даже самый дешевый предмет (зонт) стоил двенадцать туманов – у Эйхгорна не было и половины этой суммы.

Ну а в пятой лавке посетителям предлагались зелья и эликсиры. Средства от всяческих недугов стоили относительно дешево. Придающие разные эффекты – заметно дороже. Был, например, эликсир храбрости, на несколько часов делающий смельчаком. Или эликсир силы, действием схожий с зельем Астерикса. Были и совсем экзотические – перекрашивающие кожу в розовый цвет или превращающие в кактус.

– Кому и зачем может понадобиться превратиться в кактус? – не смог удержаться от вопроса Эйхгорн.

– Любой совершеннолетний здравомыслящий индивид имеет право превратиться в кактус, буде у него возникнет такое желание, – отчеканила владелица лавки. – Напоминаем, что если вы подольете это зелье кому-то другому и превратите его в кактус против его воли, вы совершите преступление. Лавка не несет ответственности, если купленный в ней товар будет использован для противоправных действий.

Обходя чародейские лавки, Эйхгорн не столько покупал, сколько продавал. Пытался продать волшебную книгу, привезенную из Парибула. По зрелом размышлении он решил, что ему самому она практически бесполезна, так что лучше уж обратить ее в звонкую монету.

К сожалению, та оказалась не слишком большой ценностью. В первой лавке торговец вообще не проявил интереса – он был не волшебником, а всего лишь торговым агентом Индустриона, магической фабрики. Занимался и скупкой, но

только конкретных вещей, по твердо установленным ценам. Подержанных ковров-самолетов и тому подобного.

Волшебные книги в их число не входили.

Правда, этому типу Эйхгорну удалось сплавить сломанное дальнозеркало. Торговец предложил на выбор два варианта – он покупает его за четверть цены или отправляет в ремонтную мастерскую, где его за те же четверть цены чинят. Правда, мастерская находится в Мистерии, все в том же Индустрионе, так что к стоимости добавится пересылка туда и обратно. Да и ждать придется изрядно.

Если не считать парибульского короля, зеркалить Эйхгорну было просто некому, так что в дальнозеркале он особо не нуждался. А вот в наличных – очень даже. Так что он принял первое предложение, выговорив себе в качестве бонуса три бесплатных звонка. Первым тут же и воспользовался, вызеркалив все того же парибульского короля и сообщив, что добрался нормально и у него все в порядке.

В отставку Эйхгорн подавать пока не стал. Он решил сделать это перед отъездом из Ибудуна, когда окончательно определится с тем, что делать дальше.

На дальнозеркале Эйхгорн заработал туман, два денгара и два грамена. Не так уж и плохо за сломанный прибор.

А вот за волшебную книгу не удалось выручить и этого. Четверо остальных владельцев лавок сами были волшебниками, и некоторый интерес проявили... но только некоторый. Насколько Эйхгорн понял, подержанные книги пользуются спросом только если принадлежали признанным магическим авторитетам – а мэтр Гвенью был всего лишь бакалавром. Таких на пяточок пучок.

Самую высокую цену предложила владелица лавки зелий. Полистав книгу, она сказала, что в ней есть несколько занятных авторских рецептов, в том числе необычная модификация воды Ипмарва. Так что она согласна купить ее за один туман. Добавит еще денгар сверху, если Эйхгорн возьмет не деньгами, а продукцией.

Предложение было соблазнительным – многие зелья Эйхгорн охотно бы приобрел. Но по-настоящему полезные и стоили немало, а всякие настойки от икоты его не интересовали. Так что он решил все же взять звонкую монету.

Эйхгорн подумывал продать и амулеты. Водяной хотя и пригодился в пустыне, на поверку оказался малоэффективным. А предназначение того, что в форме птицы, по-прежнему остается неизвестным. Может быть, это вообще не амулет, а обычный кулон.

Но это Эйхгорн решил отложить на потом. Деньги у него пока что есть. Начнет испытывать в них нехватку – тогда и амулеты продаст.

Выйдя из лавки, Эйхгорн пересчитал свой капитал. Три золотых регентера, семь серебряных, четыре тумана, восемь денгаров и пять граменов. Восемь денгаров придется заплатить оптику, еще два уйдут на оплату жилья.

Вообще-то, Эйхгорн располагал довольно приличной суммой. Не настолько, чтобы покупать волшебные вещи, но на обычные расходы ему хватало с лихвой. После чародейских лавок он пообедал в харчевне – трапеза из трех блюд с вином и десертом обошлась в грамен и шесть медлей.

Кормили очень вкусно, и Эйхгорн попытался оставить два медля на чай, но подавальщика это неожиданно возмутило. Оказалось, что в Нбойлехе чаевые почитают за личную обиду. Если, мол, понравилось, так ты лучше снова приходи покушать и всем друзьям посоветуй, а подачек нам не надо.

После обеда Эйхгорн отправился передать поклон дяде Ак-Джо. Ибудунский невольничий рынок располагался рядом со Старым Кишлаком, на отдельной улочке, которая так и называлась – Невольничья. Совсем короткая, оканчивающаяся тупиком, она со всех сторон была окружена портиками, в которых и стояли невольники.

Сотни невольников.

Почтенного купца Ук-Хара Эйхгорну действительно указали сразу же. Тот крайне обрадовался весточке от племянника – мол, хоть и со странностями, а все же родная кровь. Узнав, что Эйхгорн спас тому жизнь, Ук-Хар Матсхариди облобызал гостя, угостил вином и фруктами и принялся хвастаться своим

хозяйством.

– Как у тебя дела, родной? – любопытствовал он. – Сыт ли, весел ли? Семья есть? Дети есть? Монеты в кошеле есть? Как жизнь, все ли хорошо?

– Все трансцендентно и концептуально, – равнодушно ответил Эйхгорн.

– Хорошо, родной, очень хорошо! – порадовался за него работорговец. – Пойдем теперь, пойдем скорее!

– Куда?

– Как это куда, как это куда?! За покупками, родной! Ты мне теперь как член семьи, я тебе все сделаю! Скажи, чего хочешь, родной? Хочешь раба купить? Рабыню хочешь, родной? Все для тебя! Любого выбирай, любую – твое будет! Такую скидку тебе сделаю, какую родной матери бы не сделал!

Становиться рабовладельцем Эйхгорн не собирался, но отвязаться от липучего дяди никак не удавалось. Щедрый купец настаивал, чтобы Эйхгорн ни в коем случае не рубил плеча, а вначале осмотрел весь товар, увидел, какие сокровища ему предлагают, как дешево все это стоит, а уж потом и уходил.

Если он такой дурак, что не понимает собственной выгоды.

Жизнь на невольничьем рынке была ключом. Дядя Ук-Хар с печалью поведал, что Нбойлех – херемианская страна, а херемианство, равно как и сеvigизм, крайне неодобрительно относится к рабству. Вечно всякие дурацкие предрассудки мешают людям делать бизнес.

К счастью, прямого запрета в священных текстах нет. В Ктаве присутствует фраза «да будет проклят тот, кто сделал ближнего своим рабом», но это относится только к обращению в рабство, а не к владению рабами. Поэтому в Нбойлехе, а также во многих других странах рабов спокойно покупают и продают – а как именно они стали рабами, спрашивать не принято.

И однако торговать сородичами в Нбойлехе считается зазорным. Так что все до единого здесь невольники прибыли из-за рубежа. Одних обратили в рабство за

какие-то преступления, другие продались в него сами за долги, третьих просто взяли в полон – ох уж эти мерзкие разбойники, житья от них нет честным людям!

Но раз эти негодяи все равно уже сделали человека рабом – не освобождать же его теперь, верно? Видно, такую уж судьбу ему положили боги.

Не идти же добрым херемианам против их воли?

На рынке оказалось несказанно много чернокожих. Так называемых ямстоков – их огромное количество в Шахалии, континенте к западу от Сурении. Возят и возят, понимаешь. Особенно богата этим добром Ямстокедария – огромная территория, покрытая джунглями и населенная дикими племенами. Они там не знают истинной веры и цивилизации, некультурны, детей рожают, как кутят, и преспокойно продают их всем желающим. Заходи в любую деревню и покупай любого ребенка, что приглянется.

Впрочем, нбойлехские рабовладельцы были людьми толерантными и на цвет кожи не смотрели, так что белых рабов у них тоже хватало. В том числе из Маленьких Королевств – светловолосых красавиц и искусных мастеров. Эти в основном попадали на рынок через разбойников – те частенько делали набеги на юг.

Были и нелюди – гоблины, фелины, симы, акрилиане, – но они пользовались меньшим спросом.

К своей участи рабы относились по-разному. Одни горько рыдали, другие вполне смирились, а некоторые выглядели даже счастливыми. Большинство ходило свободно – покупатели рассматривали их, говорили с ними, стучали по спине и заставляли высовывать язык. В цепях Эйхгорн увидел всего одного раба – огромного равнинного тролля с татуированным лицом. Этот смотрел с такой дикой злобой, что к нему никто не решался подходить.

Дядя Ук-Хар показывал Эйхгорну одного раба за другим. Оказалось, что в Нбойлехе невольников не изнуряют тяжелым трудом – для этого хватает феллахов. Рабы стоят дорого, поэтому их ценят и используют в основном как домашнюю прислугу.

А также для утех. В самом дальнем конце улицы журчал огромный фонтан, и вокруг него восседали красивые, легко одетые женщины разных рас. Многие – совсем юные, буквально на грани совершеннолетия. Скабрёзно подмигивая, дядя Ук-Хар поведал, что их покупают в качестве танцовщиц, горничных или банных прислужниц. Цены колеблются от пяти до пятидесяти туманов.

– Нравится, родной? – заглядывал Эйхгорну в глаза Ук-Хар. – Выбирай любую, какая больше по душе! Вот пальцем покажи, скажи – эту хочу! Твоя будет! Половину цены тебе скину, как лучшему другу!

Эйхгорн по-прежнему не собирался никого покупать. Раб – непродуктивное имущество. Он слишком дорого стоит, его нужно кормить, нужно одевать, ему нужно где-то жить, а пользы от него не так уж много. Раб не заинтересован в результатах своего труда, поэтому трудится вполсилы, кое-как и только из-под палки. К тому же при удачных обстоятельствах раб может сбежать, а то и убить своего хозяина.

На Земле ведь рабовладение отмерло не из-за моральных причин, а исключительно из-за экономических. С развитием технологий рабство просто перестало окупаться.

Но Ук-Хар не унимался. Далеко не все эти невольницы принадлежали ему – девушки были разделены на семь групп, и при каждой находился сутенер... купец. Они тоже настойчиво предлагали Эйхгорну свой товар, расхваливая его на все лады.

Особенно усердствовал тощий лохматый парень с козлиной бороденкой. Он был донельзя взвинчен, и при нем находилась одна-единственная рабыня – кудрявая мулатка с круглым личиком, одетая в одно только зеленое покрывало. Не красавица, но в целом симпатичная. Насколько Эйхгорн понял, всех остальных ее хозяин уже распродал, а вот именно эту почему-то никто не хотел брать.

– Э, брат, ну купи у меня девку, что ты какой жадный?! – недовольно крикнул он Эйхгорну. – Э, всего три тумана прошу, в самом деле!

– Всего три тумана? – против своей воли заинтересовался Эйхгорн. – А что с ней не так?

– Да все так, все так, хорошая девка! Ласковая как родник, стройная как газель, гибкая как змея! Бери, не прогадаешь! Она просто последняя у меня, а я спешу, брат! Сильно спешу!

Эйхгорн перевел взгляд на девушку. Та смотрела на него огромными глазами, кусала губы и заламывала руки.

– Э, брат, если не купишь, значит, не судьба ей здесь остаться, – с угрозой произнес работорговец. – Поплывет со мной дальше... или, может, в портовый бордель продам... Уж пару туманов-то там всяко дадут...

Девушка в страхе вскрикнула, протянула к Эйхгорну руки и взмолилась:

– Прошу тебя, хозяин, не оставляй меня, сжался, возьми к себе! У тебя такое доброе лицо, ты верно хороший человек, возьми меня к себе жить!

Эйхгорн поджал губы. Ему не хотелось тратить целых три тумана на совершенно бесполезную покупку. Но у девушки в глазах стояли слезы. Только последний козел смог бы от нее отвернуться.

К тому же три тумана за здоровую молодую рабыню – это сказочно дешево. Озирская энциклопедия стоит дороже.

– Как тебя зовут? – устало спросил Эйхгорн.

– Фисташкой, если то угодно моему господину, – ответила рабыня.

Эйхгорн снова посмотрел на нее. Побренчал монетами в карманах. Вздохнул. И сухо сказал работорговцу:

– Я дам два тумана и пять денгаров.

– Продано! – мгновенно ответил торговец, хватая его за руку. – Девка твоя, брат, забирай!

У Эйхгорна опустились плечи. Судя по такой быстрой реакции, он все-таки переплатил. Видимо, дефектный товар.

Ну да и черт с ними. Все равно он не собирается оставлять ее себе.

Купчую составили моментально. Работорговец выхватил из-за пазухи мятый листок, проставил там сумму, расписался внизу и дал расписаться покупателю. Кроме того акт купли-продажи подписал свидетель, которым охотно стал дядя Ук-Хар, и, к удивлению Эйхгорна, сама Фисташка.

Он впервые видел, чтобы покупка подписывала накладную.

Отсчитав работорговцу монеты, Эйхгорн повернулся к радостно улыбающейся Фисташке и сказал:

– Можешь идти.

– Да, хозяин, пойдём, – довольно ответила та, беря Эйхгорна за руку. – Где ты живешь? Ты богат? Знатен?

– Я не богат, не знатен, и не держу рабов. Иди, куда хочешь – я даю тебе свободу, – сказал Эйхгорн.

У Фисташки заблестели глаза. Сначала Эйхгорну показалось, что от счастья. Однако через секунду та уперла руки в бока и возмущенно воскликнула:

– Какую еще свободу?! На кой кир она мне?!

Такая реакция Эйхгорна крайне удивила. А вот работорговцев – ничуть. Гораздо сильнее их удивил поступок Эйхгорна – дядя Ук-Хар и бывший хозяин Фисташки смотрели на него, как на круглого идиота.

– Правильно ли я понял? – уточнил Эйхгорн. – Ты... не хочешь стать свободной?

– Конечно, нет! – фыркнула Фисташка. – Куда я пойду?! Я не знаю никакого ремесла, у меня нет родственников, а прислуживать в тавернах – это для неудачниц! Если уж я тебе не нужна, продай меня какому-нибудь вельможе!

– Я не торгую рабами, – сухо сказал Эйхгорн.

Фисташка смерила его презрительным взглядом.

Лохматый парень, чьего имени Эйхгорн так и не узнал, успел исчезнуть в неизвестном направлении. Зато дядя Ук-Хар остался. Обняв Эйхгорна за плечи, он сказал:

– Не переживай, родной, не беспокойся. Хорошую покупку сделал, красивую женщину себе купил! И дешево совсем, песком клянусь! Знал бы я, что этот проходимец такую девочку всего ни за что отдает – сам бы купил, правду говорю! Пойдем теперь в чайхану, поедим, выпьем за хорошую покупку! Женщина, смотри, голодная – худая, как былиночка, фу! Совсем этот бродяга ее не кормил, сладостями не угощал, такой плохой человек! Ничего, родной, вот ты ее приоденешь, откормишь, так она еще краше станет!

Фисташка при каждом слове согласно кивала. Эйхгорн понял, что от посещения чайханы ему не отвертеться.

Совсем рядом с Невольничьей улицей располагался «Грандтаун» – самая дорогая и роскошная чайхана Ибудуна. При виде дяди Ук-Хара швейцар склонился в три погибели, всем видом показывая, что ждал этих гостей уже много лет, каждый день вглядываясь вдаль в надежде завидеть пыль от их сапог.

Не меньшее гостеприимство проявил и метрдотель. Облаченный в шелковый халат, он на цырлах проводил посетителей к столику... очень низенькому, без ножек, но все же столику. Вместо стульев при нем были пышные подушки – Фисташка сразу запрыгнула на свою с ногами и жадно схватила лепешку.

Лепешки на столе уже лежали. Такая вариация лаваша – в Нбойлехе его ели в огромных количествах. Остальные же блюда метрдотель ласково перечислял вслух, причем цены даже не упоминал, словно стесняясь говорить о таких презренных материях, как деньги.

Но было очевидно, что цены здесь очень высоки. Среди посетителей преобладали вельможи и купцы – все важные, холеные, увешанные золотом, в дорогих халатах. При многих были девушки, одетые точно так же, как Фисташка и ее коллеги с невольничьего рынка.

Видимо, у местного бомонда принято обмывать покупки в этой чайхане.

Эйхгорн заказал супчик с длинной лапшой ручного приготовления. Дядя Ук-Хар – огромную миску ячменных клецок с мясной стружкой. Фисташка же набрала дорогих сладостей и лучшее гарийское вино. Нисколько не смущаясь, рабыня принялась лопать так, что за ушами трещало.

– Я забыл спросить – а человеческое-то имя у тебя есть? – поинтересовался Эйхгорн, цедя лапшу раздвоенной щепкой.

– А чем тебе не нравится Фисташка? – пожала плечами девушка. – Отличное имя, по-моему. Отражает самую мою суть.

– А по-моему, глупо звучит, – возразил Эйхгорн.

– Ничего глупого. Нас вообще сначала было десять – оптовая партия. Фисташка, Розочка, Фиалка, Барвинок, Конфетка, Кудряшка, Лапочка, Милашка, Веснушка, Малинка и Клубничка.

– Одиннадцать.

– Что?..

– Ты назвала одиннадцать имен.

– Правда?.. – удивилась Фисташка и принялась загибать пальцы, шевеля губами. – Ах да, верно! Малинка и Клубничка были близняшками, их продавали только вместе, так что они считались за одну.

– Рад за них, – равнодушно произнес Эйхгорн. – Но как тебя все-таки зовут по-настоящему?

– Фисташка, – отрезала рабыня. – Я Фисташка. Меня так зовут. Разговор окончен.

– Эй, а что случилось с «если то угодно господину»?

– Так ты же меня уже купил, – пожала плечами рабыня. – Все. Деньги тебе назад не вернут.

Эйхгорн это уже понял. Угрюмо пересчитывая оставшиеся монеты, он начал понимать, почему наложницы бывают только у всяких султанов. Даже с учетом огромной скидки Фисташка обошлась ему слишком дорого.

Кстати, почему ее отдали с такой скидкой, он тоже начал понимать. Сразу после подписания купчей девушку как подменили. Фисташка мгновенно утерла слезы, сменила тон и принялась командовать, словно сама стала хозяйкой Эйхгорна.

Интересно, остальные девушки из ее «оптовой партии» были такими же?

Наевшись сладостей и выхлебав две пиалы вина, Фисташка громко рыгнула и замахала официанту. Не спрашивая разрешения, она заказала самое дорогое блюдо в меню – сашими из любянка, очень редкой и ценной рыбы. Ее подали на крохотной тарелочке, четыре прозрачных лепесточка – но стоили эти лепесточки по три грамена каждый.

Не отставал от нее и дядя Ук-Хар. Скабрзено похохатывая и в деталях объясняя Эйхгорну, какую замечательную покупку тот сделал, работорговец заказывал то одно, то другое. И Эйхгорн сильно сомневался, что он намеревается сам за себя платить.

Впрочем, Эйхгорн за него платить тоже не собирался. Снуло глядя прямо перед собой, он скрупулезно высчитал стоимость съеденного и выпитого, после чего положил на стол ровно три денгара, два грамена и медль. Официант, только что не виляя хвостом, подхватил монеты... но тут же нахмурился.

– Почтенный господин ошибся, – слащаво улыбнулся он. – Здесь недостает...

Эйхгорн безучастно перечислил все блюда, употребленные им и Фисташкой. Сумма сходилась до последнего медля.

– Но... а как же почтенный Ук-Хар?..

– А разве почтенный Ук-Хар тоже мой раб? – осведомился Эйхгорн. – Я не обязан его кормить.

Дядя Ук-Хар приоткрыл рот, таращась на Эйхгорна удивленно и возмущенно одновременно. Он забубнил что-то о долге гостеприимства, о традициях... но Эйхгорн уже не слушал. Развернувшись и даже не проверяя, идет ли следом Фисташка, он вышел из ресторана.

Глава 36

Оказавшись в жилище Эйхгорна, Фисташка сразу скуксилась. Поняв, что ее новый хозяин действительно не знатен и не богат, она стала смотреть на него, как на предателя.

По снимаемой Эйхгорном комнате рабыня бродила, как кошка в новой квартире. Обнюхала каждый уголок, без малейшего стеснения сунула нос в рюкзак и ощупала все, что там нашла. Эйхгорн, никогда не страдавший вещизмом, взирал на это равнодушно.

– Так, – решительно заявила Фисташка, когда в комнате не осталось ничего неизученного. – Я хочу есть и мне нужна новая одежда. А еще духи, притирания и щипцы для выпрямления волос.

– Ну так походи и купи себе все это, – безразлично ответил Эйхгорн.

– Отлично, давай деньги! – обрадовалась Фисташка.

– С деньгами каждый дурак сможет. А ты без денег купи.

Фисташка недобро прищурилась. Эйхгорн задумался, как ему избавиться от этого совершенно ненужного имущества. Уходить сама она явно не собирается...

Вообще, с женщинами у Эйхгорна всегда складывалось неудачно. Всего их в его жизни было пять. Пять женщин, с которыми он поддерживал более или менее продолжительные отношения.

Первой была Оля. С октября 1991 по июль 1992. Она не умела держать рот закрытым. Где-то за полчаса до приема пищи всегда начинала щебетать: «Ой, я такая голодная, ну такая голодная!». Поев, переключала канал на «Ой, я так объелась, ну так объелась!». То же самое касалось сна, работы и любого другого процесса – Оля неутомимо возвещала миру о своих желаниях и эмоциях. Поначалу Эйхгорна это забавляло, потом начало раздражать...

Второй была Катя. С декабря 1994 по сентябрь 1995. Она ныла. Ныла всегда, ныла непрерывно, ныла по любому поводу. Она постоянно рассказывала, как у нее все плохо, какая она неудачница, как ей не везет в жизни. И родители-то ее живут в далекой деревне, а она здесь, одна-одинешенька, в этом плохом городе, полном черствых и равнодушных людей. И никто ее не понимает, никто не любит, никто не пожалеет... Поначалу Эйхгорн ей сочувствовал, потом начал злиться...

Третьей была Таня. С октября 1997 по февраль 1998. Очень энергичная и целеустремленная. На Эйхгорна у нее были серьезные планы, но вначале она хотела убедиться, что нашла именно то, что нужно. С утра до вечера она допытывалась насчет благосостояния суженого, и как тот собирается его улучшить. Где работает, сколько зарабатывает, когда повышение, почему не перейдет на другую работу, поденжнее? Постоянно предлагала какие-то бизнес-проекты, требовала куда-то вложиться... когда же до нее дошло, что Эйхгорн крайне мало интересуется финансами и совершенно не стремится разбогатеть, она очень быстро к нему охладела.

Четвертой была Ира. С сентября по ноябрь 1999. Истеричка. С ней Эйхгорн порвал быстрее всех, поскольку у Иры ПМС не прекращался никогда. Она скандалила по поводу и без, закатывала истерики из-за незастегнутой пуговицы, из-за пролитого молока. Достаточно было произнести фразу с неправильной интонацией, чтобы Ира включила сирену.

Пятой была Даша. С ноября 2002 по май 2004. С ней Эйхгорн пробыл дольше всех и даже почти женился. Она была хорошей женщиной, действительно хорошей. Доброй, тихой, покладистой... но при этом глупой. Феерически глупой. Иногда Эйхгорну казалось, что она просто прикидывается, что это такой затянувшийся розыгрыш. Ну не может же нормальный, здоровый, умственно не отсталый человек быть настолько безмозглым. Эйхгорн с детства привык, что большинство людей вокруг глупее него, но все же есть пределы.

Он терпел, и терпел очень долго, поскольку во всем остальном Даша была просто безупречной, но в конце концов расстаться пришлось. Ибо периодически Эйхгорн таки срывался и начинал хамить – а Даша не огрызалась и даже не плакала. Просто смотрела на него и виновато моргала. Эйхгорну становилось ужасно стыдно, но он ничего не мог с собой поделать.

Однако Фисташка превзошла их всех. Насколько Эйхгорн понял, она с раннего детства готовилась к простой и понятной роли – содержанки. В рабство ее никто не обращал – она родилась на севере Нбойлеха, в своеобразном «питомнике», растящем именно таких вот профессиональных наложниц. Правда, оценки у нее были не самые лучшие, так что ибудунские вельможи, собаку съевшие на живом товаре, не покупали ее даже с большой скидкой. Фисташка уже отчаялась, когда на рынке появился чужеземный простофиля.

Только вот Фисташка в итоге осталась недовольна. Она-то рассчитывала попасть в сераль к какому-нибудь богатею и целыми днями только и делать, что ничего не делать. Такое вот нехитрое у нее было жизненное кредо. А тут Эйхгорн, который совершенно не желает потакать ее прихотям, да еще и порывается освободить.

Совсем дурак, что ли?!

– Если я тебе не нужна – просто продай меня кому-нибудь! – ныла Фисташка. – Ну что тебе стоит?!

Эйхгорн задумался о женском цинизме. Машины, дачи, айфоны, шубы, цепочки, отдых на Канарах... сам он всегда был глубоко равнодушен к материальным благам. Он не понимал, как можно связать себя с человеком на всю жизнь только потому, что тот способен тебе их предоставить.

С другой стороны, логика в этом есть. Любовь любовью и все такое, но должны же быть определенные критерии. Если перед самым Эйхгорном поставить двух женщин, он выберет... чего уж перед самым собой лицемерить – он выберет ту, у которой сиськи больше. Он же математик. Больше – значит, лучше. Четкий, доступный измерению критерий.

А у женщин с этим сложнее. Тот доступный измерению критерий, который интересуется их, прилюдно обычно не демонстрируют. Да и вообще эволюционная

роль мужчины – обеспечивать свою женщину и своих детей. Вот женщина и следует биологической программе, подбирая того, кто с этой задачей лучше справится. Поставь перед женщиной принца и бомжа – кого она выберет?

Нет, конечно, если бомжа зовут Арагорн, а принца – Джоффри, ответ неочевиден, но это уже нестандартные условия.

И Фисташка права – самым оптимальным решением будет перепродать ее более подходящему владельцу. Тому, кому она нужна. Эйхгорн не планировал задерживаться в Нбойлехе дольше, чем на пару недель, и меньше всего ему требовался прицеп в виде ноющей рабыни. Сугубый интроверт, любых людей возле себя Эйхгорн воспринимал исключительно как источник раздражения.

Значит, надо подыскать покупателя. Наживаться на работорговле Эйхгорн не собирался – пусть заберет хотя бы по себестоимости. Или даже ниже оной.

Интересно, не согласится ли дядя Ук-Хар выступить посредником? Хотя он вроде бы вчера обиделся, что Эйхгорн не стал оплачивать его счет в чайхане...

По счастью, обиделся он все же не очень сильно. Не настолько, чтобы упустить возможность заработать пару денгаров. Смеясь над незадачливым покупателем, дядя Ук-Хар пообещал, что внесет Фисташку в свой каталог рабынь для утех, и если кто заинтересуется – направит к Эйхгорну.

Но тот будет должен ему за такую услугу двадцать процентов от выручки – и чтоб без обмана. Дядя Ук-Хар очень не любит, когда его обманывают, и друзья дяди Ук-Хара тоже не любят. Про ибудунского Дедулю слышал, родной? Лучший друг дяди Ук-Хара, только на днях вместе в чайхане сидели.

Эйхгорн ничего против не имел. Двадцать процентов, так двадцать процентов. Собственно, он был согласен отдать Фисташку и даром, но в этом случае его бы просто не поняли.

Первым же вечером Фисташка предложила Эйхгорну себя – но, надо заметить, не слишком охотно. Ею явно руководило чувство долга, а отнюдь не симпатия к хозяину. Так что она просто сбросила покрывало и выжидающе уставилась на Эйхгорна, даже не пытаясь хотя бы принять эротичную позу.

Эйхгорн некоторое время смотрел на нее снулым взглядом. Он все еще не решил, насколько это допустимо – использовать такую вот живую собственность по... прямому назначению. Даже с учетом того, что Фисташка сама желает сохранить статус рабыни, это неприятно смахивает на изнасилование. Ну или как минимум злоупотребление служебным положением.

Для местных все это, конечно, нормально и естественно, но для россиянина двадцать первого века...

К тому же Фисташка не очень устраивала Эйхгорна по его основному, чисто математическому критерию. Кажется, она это и сама поняла, потому что обиженно фыркнула, вновь накинула покрывало и отвернулась к стенке.

На следующее утро Эйхгорн ушел раньше, чем Фисташка проснулась. Он оставил ей три грамена на еду и другие возможные расходы. Сбегать рабыня явно не станет – зачем, если Эйхгорн и так ее не держит?

А если вдруг сбежит – так ему же еще и проще.

И Эйхгорну жизненно требовалось добыть какие-то средства. Он слишком потратился, а кормить теперь предстоит уже двоих. В Нбойлехе он задерживаться не собирается – значит, новые дорожные расходы.

Вопрос в том, где и как он может здесь подзаработать. Амулеты вряд ли стоят дорого, а больше продавать нечего, если не считать ту же Фисташку. В долг без обеспечения ему никто не даст. А пристроиться волшебником к халифу не удастся – такая удача два раза не выпадает.

Остаются технические знания. Эйхгорн умеет много такого, чего в этом мире не умеет никто. Наверняка есть способы обратить это в звонкую монету. Надо только их найти – а для этого следует хорошенько изучить страну, в которой Эйхгорн оказался.

Несмотря на наличие рабства, великий халифат Нбойлех был куда просвещеннее и цивилизованнее крохотного королевства Парибул. Разделенный на тридцать шесть провинций, во главе каждой из которых стоял эмир-наместник, он обладал сложной административной системой. Вместо одиноких коннетабля, эдила и казначея тут были разветвленные ведомства со множеством

сотрудников – военное, судебное, финансовое. В каждом городе сидели эмир, мурза, кади и прочие вельможи, подчиняющиеся халифу в соответствии со строгой вертикалью власти.

Население делилось на пять категорий. Знать, горожан, феллахов, бедуинов и рабов. Их права и обязанности разграничивались очень четко. Например, торговлей могли заниматься только знать и горожане. Феллахи имели право посещать города, но не жить в них. Бедуинам запрещалось даже приближаться к городским стенам. Рабы были живым имуществом, но за убийство или телесное повреждение раба следовало такое же наказание, что и за свободного. Дурно с ними обращаться тоже запрещалось.

А освобожденный раб, как оказалось, не становился вольным человеком – юридически он оставался таким же рабом, просто теперь принадлежал самому себе. В целом его положение от этого только ухудшалось – он не мог устроиться на работу, не мог купить или снять жилье, не мог даже владеть никаким имуществом.

Неудивительно, что Фисташке так не понравилась эта идея.

Немногим лучше жили бедуины. Ведущие полуцыганское существование, они населяли в основном земли рядом с пустыней и бесплодное восточное побережье. Земледелием не занимались, только скотоводством. Кроме того, бедуины часто становились наемниками или сбивались в разбойничьи ватаги. Фактически они составляли государство в государстве, почти не подчиняясь законам халифа.

И халифа это вполне устраивало. От бедуинов была бы уйма хлопот, если бы не тот факт, что они делились на четыре враждующих племена, которые большую часть времени тупо резали друг друга. Умело стравливая их между собой, халиф легко контролировал этих воинов пустыни. Три четверти нбойлехского войска состояло именно из бедуинов – они отлично сражались и бесстрашно шли на смерть.

Впрочем, Эйхгорна не очень-то интересовало государственное устройство Нбойлеха. Его интересовало состояние здешней науки. Оно оказалось не то чтобы впечатляющим, но все же лучше ожидаемого.

Науки в Нбойлехе делились на три группы. Мудрые, практические и естественные.

К мудрым относились история, каллиграфия, богословие, стихосложение и астрономия с астрологией. Всякого рода отвлеченные знания, слабо применимые на практике. Кроме разве что астрономии... хотя нет, астрономия тоже. В средневековом обществе она, увы, является чисто умозрительным занятием.

К практическим относились этика, политология, экономика и прочие науки, изучающие отношения между людьми. Ими занимались вельможи, и Эйхгорну туда соваться не следовало.

Заинтересовали его естественные науки – математика, география, медицина, архитектура, инженерное дело и почему-то музыка. Они считались самыми низкими, знать ими брезговала, но и обойтись без них не могла. Где-то здесь же притулилась и магия – в Нбойлехе подвизалось немало волшебников разного профиля. Особенно знаменита среди них была группа чародеев из Ферраменга – именно они строили в Ибудуне высотные здания с лифтами.

Но магией Эйхгорн не владел, так что ему предстояло найти себя в чем-то ином.

Конечно, в первую очередь он попытал счастья в инженерном деле. Однако оказалось, что под инженерами в этом мире понимают в первую очередь строителей различных сооружений. Военные инженеры строят тараны, баллисты и катапульты, гражданские – мосты, дороги и каналы. В Нбойлехе у них собственный цех – немногочисленный, крепко спаянный и не допускающий в свои ряды посторонних. Иностранному инженеру имеет шансы получить работу лишь если он знаменит.

А неизвестному типу вроде Эйхгорна никто ничего серьезного не доверит. На проектировании арыков много не заработаешь.

Эйхгорн прощупал почву насчет пиротехники. Бенгальские огни и римские свечи делаются несложно, а парибульская королевская семья их вполне оценила. Быть может, арендовать мастерскую, наладить массовое производство?

Увы, оказалось, что здесь его тоже опередили. В Ибудуне уже была контора двух братьев-волшебников, которые занимались именно фейерверками. Когда какой-

нибудь богатым что-то праздновал, то всегда приглашал эту парочку, и те так расцвечивали небо, что Эйхгорну не стоило и соваться.

Ничего не вышло и с самогоном. Правда, уже по экономическим причинам. Оказалось, что производство и торговля алкоголем в Нбойлехе полностью в руках небольшой группы винокуров, среди которых аж зять халифа. Только у этой клики есть высочайшее соизволение спаивать народ.

А если у тебя этого соизволения не имеется... что ж, ты тоже имеешь полное право варить и продавать спиртное. Только вот пошлина возрастает до такой людоедской величины, что ни о какой прибыли и речи нет.

Что еще технический гений Эйхгорна мог предложить Парифату? Вновь и вновь перебирая свой бездонный багаж знаний, он вновь и вновь приходил к мысли, что ничего. Все относительно простое здесь либо уже изобретено, либо замещено магией. А сколько-нибудь серьезные проекты вроде того же аэроплана требуют значительного стартового капитала.

У Эйхгорна его нет, так что нужен инвестор. Но инвестора нужно убедить в выгодности проекта, а это дело непростое. С парибульским королем, например, так ничего и не вышло – вряд ли нбойлехские олигархи окажутся прогрессивнее.

И однако небольшой приработок Эйхгорн в конце концов подыскал, причем совершенно неожиданно. Прогуливаясь по Старому Кишлаку, он обратил внимание на торговца сладостями. У того была разная выпечка, фрукты, а на столике рядом – булькающий котелок с растопленным шоколадом. Нечто вроде фондю. За один медль можно было выбрать любой фрукт или плюшку и съесть, обмакивая в шоколад.

Эйхгорн некоторое время смотрел на это снулым взглядом. Дела у торговца шли превосходно – дети, юные девушки, а порой и почтенные старцы буквально засыпали его монетами. Котелок ничем не подогревался, однако шоколад и не думал остывать. Очевидно, в нем или под ним лежал жаркамень.

Домой Эйхгорн вернулся с набором металлических трубок, коробкой самого дешевого шоколада и маленьким жаркамнем. Трое следующих суток он под внимательным взглядом Фисташки конструировал примитивную модель шоколадного фонтана.

Труднее всего оказалось заставить вращаться внутренний винт. За отсутствием электроприборов Эйхгорн положил в основу принцип фонтана Герона, но создать функционирующую конструкцию удалось далеко не сразу.

Но когда тот наконец заработал... Фисташка с полминуты таращилась, как шоколад стекает с каскадов, потом обмакнула в него палец, облизнула и воскликнула:

- Так ты волшебник!

- Нет, я ученый, - сухо ответил Эйхгорн.

Прикидываться волшебником ему больше не хотелось.

Готовый шоколадный фонтан удалось сбавить все тому же торговцу сладостями за два тумана и восемь денгаров. При виде диковинной игрушки у того аж глаза загорелись, и более предприимчивый человек наверняка смог бы вытрясти из него больше, но у Эйхгорна никогда не было деловой жилки.

Впрочем, и так очень неплохо. Материалы, жаркамень и шоколад обошлись всего в один туман, два денгара и пять граменов, причем половину шоколада слопала Фисташка. Инструменты Эйхгорн одолжил у старушки-арендаторши.

К тому же в Ибудуне хватало и других торговцев сладостями. Слухи о новинке разошлись очень быстро, и уже на следующий день Эйхгорн получил еще два заказа.

Наверняка волшебники могут сварганить такой же фонтан, и даже эффектнее, только обойдется это на порядок дороже. А Эйхгорн, наладив производственный процесс, без труда смастерил еще несколько штук.

Правда, оставаться в Ибудуне надолго он не собирался, да и клиентская база была все-таки очень ограниченная, так что после пятого фонтана Эйхгорн продал саму технологию. Жестянщик, у которого он покупал металлические трубки и обрезки, заплатил пять туманов за действующий образец и описание его устройства.

Теперь Эйхгорн мог не думать о деньгах еще пару месяцев. Он даже сводил Фисташку в чайхану, чтобы отметить успешный бизнес-проект.

Правда, сразу же об этом пожалел. Фисташка уписывала за обе щеки, словно не ела три дня. Причем будто нарочно выбирала блюда подороже.

Каким-то образом она одновременно ухитрялась еще и болтать. Комментировала все попавшееся на глаза – интерьер, прислугу, кушанья, музыкантов... Эйхгорн ее не слушал – у него было занятие поинтереснее. Он пересчитывал рисинки в своем плове.

Непростая задача, но он не привык отступать.

Чайхана в этот раз была попроще, чем та, куда их водил дядя Ук-Хар. Да к тому же с живой музыкой, и очень неплохой. Совершенно лысый толстяк легонечко постукивал по шести крохотным барабанчикам, а в такт ему урчали две грациозно изгибающиеся фелинки. Звуки получались очень тихие и мелодичные, похожие на журчание ручья.

Потом музыканты покинули сцену, а вместо них туда вскарабкался пожилой коротышка в огромном жабо. Сначала Эйхгорн решил, что это стендапер – вид у него был нелепый, да и городить он сразу начал какую-то дичь. Но посетители слушали его с абсолютно серьезным видом.

Оказалось, что это астрологический прогноз. Коротышка перечислял знаки местного Зодиака и рассказывал, что их ожидает в ближайшие дни и как нужно действовать, чтобы судьба была благосклоннее.

Эйхгорн знал, что его зодиакальный знак – Весы. Но его это волновало меньше, чем хлебные крошки под столом. Зато Фисташка слушала астролога с раскрытым ртом, особенно напрягшись, когда тот дошел до знака Осьминога.

Но когда этот доморощенный Глоба сказал, что Осьминоги в ближайшие дни начнут выстраивать новые любовные отношения и получат возможность совершить удачную сделку, ее взгляд потух. Фисташка махнула рукой и сказала:

– Плохой астролог. Никудышный.

- Почему ты так решила? - полюбопытствовал Эйхгорн.

Сам-то он считал, что любой астролог плох просто потому, что он астролог. Но Фисташка явно имела в виду какие-то другие критерии.

- Ну он же всех меряет по одной мерке, - снисходительно произнесла она. - Вот сам подумай. В году всего четырнадцать лун. Он сейчас сделал четырнадцать предсказаний. Это что же - в ближайшие дни у людей будет всего четырнадцать судеб? У всех Осьминогов новые отношения и удачные сделки?.. Что за глупость!..

Эйхгорн взглянул на Фисташку с некоторым интересом. Она раскрылась ему с неожиданной стороны.

- Вот в прошлом году в наш Дом Воспитания приезжал один астролог... - продолжила рабыня. - Не такой, как этот, а настоящий, хороший. Мэтр Местермегази.

- Как-Ур Местермегази?.. - переспросил Эйхгорн.

- Да. А ты его знаешь?

- Не знаком. Но мне советовали с ним поговорить.

- Поговори, поговори обязательно! Мэтр Местермегази нам всем тогда сделал предсказания! А я не верила, что он умеет предсказывать, но он рассказал про меня всю правду! Он настоящий!

- И что же он такого рассказал?

- Что я красивая, умная, добрая, честная... всю правду рассказал!

Взгляд Эйхгорна снова стал снулым. А Фисташка вздохнула и добавила:

- Но вообще-то любая астрология - это плохо.

- Согласен... - медленно кивнул Эйхгорн, - ...но ты почему так думаешь?

- Будущее известно только богам. Человеку его знать негоже.

Оказалось, что Фисташка в довершение всего еще и убежденная херемианка. Для Эйхгорна это стало сюрпризом - за минувшие дни он ни разу не видел ее за молитвой или... чем там еще занимаются религиозные люди?

Так или иначе, Фисташку понесло. С чрезвычайно самоуверенным видом она принялась излагать свою точку зрения на жизнь, вселенную и все такое. И эта точка зрения более чем на девяносто процентов состояла из религиозных заблуждений.

Эйхгорн некоторое время слушал, надеясь выловить крупицу чего-то полезного. Оной так и не обнаружилось, поэтому в конце концов он поднял руку и коротко произнес:

- Достаточно.

- А что я такого сказала?! - возмутилась Фисташка. - Я просто говорю, что всякая судьба - от богов, так что если с тобой что случилось - так это боги повелели. А если чему суждено случиться, то оно случится, и даже если ты вдруг узнаешь - оно все равно случится, потому что боги...

- Достаточно, - повторил Эйхгорн.

- Да что ты меня затыкаешь-то?! - взвилась Фисташка. - Ты мне не хозя... ах да, хозяин. Но все равно. Я просто говорю, что если уж боги такую судьбу положили, то знаешь ты или не знаешь...

- Я понял твою точку зрения, - перебил Эйхгорн. - Ты уже по третьему кругу ее объясняешь.

- Ну и что? Тебе что, жалко? Я просто хочу рассказать, почему боги... вот ты сам-то херемианец?

- Нет, - коротко ответил Эйхгорн.

- А, ортодокс...

- Нет. Я вообще не севирист.

- Как это?.. А кто тогда?..

Эйхгорн хотел уже привычно ответить, что он ктототамец, но передумал. В конце концов, она всего лишь рабыня – перед ней-то к чему камуфлироваться?

- Я не верю в богов, – честно ответил он.

- Как так?! – поразились Фисташка.

- А вот так. Бывает и такое, представь себе.

- Но как же так? – все еще не понимала Фисташка. – Ты вообще-то Ктаву читал? Ты же вроде образованный. Там все написано – и про Сальван, и про Катисто, и про...

- Послушай, религия – это как пенис, – прервал ее Эйхгорн. – Хорошо, что она у тебя есть. Хорошо, если ты в ней разбираешься. Но пожалуйста, не надо совать ее мне в лицо.

- Э-э... если религия – это пенис, то получается, что ты... евнух?.. – задумалась Фисташка.

- Хм. Действительно, в этом отношении сравнение не очень удачное. Но ты поняла, что я имею в виду.

- Что ты евнух. Я поняла. Я давно это поняла.

Вот сейчас Эйхгорну стало обидно. Он встал из-за стола, взял Фисташку за руку и коротко бросил:

- Пошли.

– Куда? – не поняла та.

– Будем доказывать, что я не евнух. Экспериментальным путем.

Глава 37

На следующий день Эйхгорн проснулся чуть позже обычного. Он спал бы и еще дольше, но разметавшаяся во сне Фисташка спихнула его с циновки.

Хорошо, что кровати в Нбойлехе не в моде.

Произошедшее этой ночью Эйхгорн решил не обдумывать. Было и было. Обычный физиологический акт, со всяким случается время от времени.

Гораздо сильнее Эйхгорна интересовала предстоящая встреча. Он все-таки собрался посетить Ках-Ура Местермегази, пресловутого астронома-астролога. Даже если тот в первую очередь астролог, какие-то астрономические познания у него все же быть обязаны. А Эйхгорн очень хотел прояснить для себя некоторые моменты.

Карту звездного неба, например. У него до сих пор не было возможности на нее взглянуть. А она может рассказать немало интересного о том, куда Эйхгорна занесло.

Прославленный астроном жил за городом, на небольшом мысу, в башне, похожей на маяк. Однако в отличие от настоящих маяков, эта башня даже не думала светиться. Зато в ее куполе имелась очень характерная прорезь, сразу настроившая Эйхгорна на положительный лад.

Перед ним несомненно обсерватория.

А еще море. Впервые со дня прибытия на Парифат Эйхгорн стоял на берегу океана. И чувствовал он себя... наверное, вот так себя чувствовал Васко Нуньес де Бальбоа, первым из европейцев увидевший Тихий океан.

Хотя нет, все-таки не так. Бальбоа, если верить слухам, при виде бескрайней водной глади упал на колени. Эйхгорн же просто стоял и смотрел взглядом снулой рыбы.

Да и внешне это море ничем не отличалось от земных. Эйхгорн уже знал, что называется оно Бархатным, поскольку шторма в нем крайне редки, зато штиль может длиться неделями. Суда в такие периоды безвылазно стоят в гавани, а их капитаны сидят в тавернах, костеря Марекса – местного бога океанов.

Подходя ближе к обсерватории, Эйхгорн уважительно кивал, описывая увиденное в диктофон. Кто бы ни возводил эту постройку, он знал свое дело. Цилиндрическое здание высотой не менее пятидесяти метров возвышалось над окружающим, словно гора. Поблескивающий на солнце купол явно мог вращаться. И оставалось только гадать, что за инструменты скрываются под каменной оболочкой.

Ажиотажа вокруг не наблюдалось. Солнце сегодня палило вовсю, и народ попрятался под крыши. На мысу сидели двое подростков с удочками, да по дороге тащилась запряженная волами арба. Больше никого.

И астроном тоже ответил далеко не сразу. Битых полчаса Эйхгорн дергал цепочку, прежде чем дверь растворилась... и в первый момент показалось, что за ней никого нет. Но потом Эйхгорн опустил взгляд и увидел хозяина обсерватории – карлика восьмидесяти сантиметров ростом. Был он густо покрыт морщинами, седобород и облачен в традиционный наряд звездочета – черную мантию и колпак со звездами.

На Эйхгорна карлик тарачился безо всякого интереса. Широко зевнул, почесал под мышкой и поинтересовался необычно густым голосом:

– Чем обязан визиту, сударь?

– Эйхгорн, – представился Эйхгорн. – Я ученый из далекой страны, здесь проездом. Мне рекомендовали вас как незаурядного астронома, и я был обязан засвидетельствовать...

– Астронома?.. – перебил карлик. – Не астролога?..

– Астролога тоже, – неохотно признался Эйхгорн. – Но астрология меня мало интересует. Я считаю, что небесная механика сама по себе гораздо интереснее, чем...

– Проходи, – снова перебил карлик. – Если тебя интересуют светила, а не гороскопы, я уделю тебя время.

Такая реакция Эйхгорна порадовала. Похоже, Ках-Ур Местермегази считает себя в первую очередь астрономом. Видимо, астрология для него – вынужденное занятие. Глупая дочка, кормящая высокомудную мать.

– Вы, люди, редко смотрите на звезды, – проворчал Ках-Ур, карабкаясь по винтовой лестнице. – Вас интересует лишь то, как они связаны с вашей судьбой... можно подумать, небесным светилам есть дело до кого-то из нас...

– Вы, люди?.. – недопонял Эйхгорн. – А ты сам-то кто, гном?

– Нет, я эльф, – саркастично ответил астроном. – Просто очень маленький и бородатый.

– А разве эльфы и не должны быть маленькими? Маленькими, с крылышками...

– Это ты где таких эльфов видел? – удивился Ках-Ур.

– У Андерсена.

– Не знаю, не слышал. Может, ты с феями перепутал?

– Может. Так ты эльф, получается?..

– Нет, я гном! – рассвирепел астроном. – У тебя с этим проблемы?! Тебе не нравятся гномы?!

Эйхгорн замолк, осмысливая новую информацию. Гном. Ну ничего удивительного, в общем-то. Тролли тут есть, гоблины есть, великаны есть – отчего бы и гномам не водиться? Просто в отличие от вышеупомянутых, мэтр Ках-Ур может сойти за человека – аномально низкого роста, но такое

встречается и на Земле.

И имя у него нбойлехское. Эйхгорн пока не очень разобрался в местной антропонимике, но не мог не заметить, что парибульские и нбойлехские имена разительно отличаются. А имена иных разумных видов вроде троллей и фелинов совсем не похожи на человеческие. И это логично, поскольку все они либо эмигранты, либо потомки эмигрантов.

Но раз Ках-Ур Местермегази носит нбойлехское имя, он должен быть местным. Возможно, где-то здесь есть гномская диаспора. Или его предки приехали в страну очень давно и полностью выросли в социум. Или он усыновленный, воспитывался среди людей. Много можно придумать объяснений.

Подниматься пришлось долго. Очень долго. Эйхгорн вспомнил свою башню даже ностальгически – тут ступеней оказалось еще больше. Поскольку обсерваторию явно строили обычным путем, никаких волшебных лифтов не было. Хозяин ковылял медленно, не переставая недовольно ворчать – его коротеньким ножкам приходилось труднее, чем человеческим.

– А почему гном вдруг стал астрономом? – поинтересовался Эйхгорн. – Я слышал, что гномы... м-м... живут под землей? Или меня неверно информировали?

– Верно тебя информировали, – буркнул Ках-Ур. – Живем. Но не все же. И я открою тебе секрет... все лучшие звездочеты – гномы.

– Почему?

– Потому что у нас, гномов, уникальное зрение. Мы отлично видим даже в абсолютнейшей темноте. А благодаря этому мы видим на небе не только звезды, но и те объекты, что не освещены их светом. Вы, люди, даже не представляете, сколько там наверху интересного помимо звезд...

– Я представляю, сколько там интересного, – кивнул Эйхгорн. – Но как это возможно – видеть в полной темноте? Зрение – это способность воспринимать видимое изучение спектра. Многие существа видят при очень плохом освещении, но полностью без света зрение невозможно в принципе.

– А вот возможно, – хмыкнул Ках-Ур. – Гномам твой свет даром не нужен. Мы, чтоб тебе известно было, даже сквозь стены видим. Или не веришь?

– Верю, – не стал спорить Эйхгорн. – Только по-прежнему не понимаю, как это возможно.

– Не знаю, – пожал плечами гном. – Я звездочет, а не естествовед.

Лестница наконец закончилась. Старик-астроном провел Эйхгорна в купол башни и выжидающе на него уставился. Эйхгорн с любопытством огляделся по сторонам.

Ну что ж, здесь оказалось лучше, чем он мог надеяться. Конечно, никаких астрографов, спектрографов или радиотелескопов, но вообще оборудования достаточно.

Большую часть помещения занимал огромный телескоп-рефрактор. Он был крепко привинчен в самом центре, смотрел на прорезь в крыше, а судя по огромным шестерням – вращался вместе со всем куполом.

Кроме того повсюду стояли средневековые инструменты – квадранты, секстанты. Вдоль двух стен высились полки с книгами. На третьей во всю ширь развернулась звездная карта – ее Эйхгорн разглядывал с особенным интересом.

Да, это точно не рукав Ориона. Ничего даже отдаленно похожего. Эйхгорн надеялся, что узнает какие-то созвездия и сможет хотя бы примерно определить, на какую планету его занесло, но рисунок звездного неба выглядел абсолютно незнакомо. Если это и Млечный Путь, то какой-то совершенно другой участок.

К тому же карта отличалась средневековой... живописностью. Каждое созвездие рука художника превратила в красочный детальный рисунок, так что угадать под ними оригинальную фигуру порой было непросто.

По кругу шли четырнадцать зодиакальных созвездий. Четырнадцать зверей, птиц, моллюсков и членистоногих. В центральной же части бушевала не то битва, не то оргия десятков людей, животных, монстров и неодушевленных

предметов. Эйхгорну даже показалось, что он видит в верхней правой части карты коровью кучу, но это почти наверняка было что-то другое.

- Так чем я могу тебе помочь, странник? - поинтересовался Ках-Ур. - Выпьешь что-нибудь, может? Чай, кофе?

- Чаю, - попросил Эйхгорн.

- Чая у меня нет, извини.

- Тогда кофе.

- Кофе у меня тоже нет. Я не ждал гостей.

Эйхгорн сделал вид, что не понимает намека. Он без приглашения уселся на кургузый топчан и спросил:

- Ты здесь один живешь?

- А что? - подозрительно прищурился гном. - Допустим, один, и что? У меня тут охранные чары. И мне не нужна компания. У меня есть мои звезды.

- Звезды - это прекрасная компания, - согласился Эйхгорн.

- Именно, - все еще настороженно кивнул Ках-Ур. - Только если тебе все-таки нужен гороскоп - я ими больше не занимаюсь. Я вышел в отставку три луны назад.

- Мне не нужен гороскоп, - повторил Эйхгорн. - Я хочу узнать о звездах. Не о том, что они предсказывают, а о них самих.

- Это правильно, это очень правильно, - затряс длиннющей бородой гном. - Вот, посмотри сюда, если хочешь... я как раз наблюдаю одну интересную звезду...

- Сейчас же день, - возразил Эйхгорн.

- Эту звезду и днем видно. Сам посмотри - телескоп наведен прямо на нее.

Эйхгорн прильнул к окулярам, придерживая сломанные очки. И действительно увидел звезду - у самого горизонта, с ясно выраженным хвостом. Короткий, слегка искривленный, он указывал в противоположную от солнца сторону.

- Комета, - коротко прокомментировал Эйхгорн.

- Именно, - довольно кивнул Ках-Ур. - Хвостатая звезда. Конечно, это не астрономическое явление, но все равно очень интересное.

- Почему не астрономическое? - не понял Эйхгорн.

- Потому что комета - это сгусток плотного газа, поднявшийся к границам атмосферы и воспламенившийся от небесного огня, - наставительно объяснил Ках-Ур. - Когда она догорит, то просто исчезнет. А астрономия не занимается столь эфемерными объектами.

Взгляд Эйхгорна стал снулым. Несмотря на отдельные успехи, состояние местной науки просто чудовищное.

- Нет, конечно, если верить мэтру Стаурпелдакору, комета - это такая ледяная глыба, которая прилетает откуда-то из-за края неба, слегка подтаивает в жаре солнца, образуя тем паровой хвост, а потом улетает обратно, - пренебрежительно произнес Ках-Ур. - Но кто же поверит в такую чушь?

Взгляд Эйхгорна прояснился, в нем снова сверкнул интерес. Выходит, в местной науке все не так однозначно? Есть разные школы и течения? Кто такой этот мэтр Стаурпелдакор?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/rudazov_aleksandr/arifmoman-v-nebesah

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)